

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Burton W. FOLSOM, Jr

NEW DEAL
or
RAW DEAL?

HOW FDR'S ECONOMIC LEGACY
HAS DAMAGED AMERICA

THRESHOLD EDITIONS
New York London Toronto Sydney New Delhi

Бертон ФОЛСОМ

НОВЫЙ КУРС

ИЛИ

КРИВАЯ ДОРОЖКА?

КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
Ф. РУЗВЕЛЬТА ПРОДЛИЛА
ВЕЛИКУЮ ДЕПРЕССИЮ

·МЫСЛЬ·

Москва

УДК 338.124.4(73)"1933/1939"
ББК 63.3(7Coe)6
Ф45

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского: *А. Плисецкая*
Научный редактор: *А. Куряев*

Фолсом Б.

Ф45 Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / Бертон Фолсом ; пер. с англ. А. Плисецкой под науч. ред. А. Куряева. — Москва: Мысль, 2012. 352 с.

ISBN 978-5-244-01161-6

Историк Бертон Фолсом развенчивает идиллическую легенду о Новом курсе Франклина Рузвельта — экономической политике, которая якобы спасла капитализм в условиях беспрецедентного всемирного экономического кризиса. Согласно Фолсому, программы Нового курса тормозили восстановление экономики, отличаясь хаотическим планированием и расточительными государственными расходами на фоне беспрецедентного повышения налогов. Автор анализирует реализацию нескольких наиболее масштабных и вредных программ: деятельность администрации восстановления национальной промышленности, администрации по регулированию сельского хозяйства, корпорации финансирования реконструкции и двух управлений общественных работ.

Особое внимание автор уделяет использованию федерального финансирования в политической борьбе на президентских и промежуточных (сенаторов и конгрессменов) выборах 1934—1938 гг., в борьбе с региональными политическими и деловыми элитами. Федеральные средства направлялись не в те штаты, где этого требовала экономическая ситуация, а туда, где они позволяли приобрести голоса избирателей.

УДК 338.124.4(73)"1933/1939"
ББК 63.3(7Coe)6

ISBN 978-1-4165-9222-8 (англ.)
ISBN 978-5-244-01161-6 (русск.)

© 2008 by Burton Folsom
© Мысль, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1. КАК СОЗДАВАЛСЯ МИФ: РУЗВЕЛЬТ И НОВЫЙ КУРС.	13
Рузвельт и историки	19
ГЛАВА 2. ВОСХОЖДЕНИЕ РУЗВЕЛЬТА К ВЛАСТИ: МАСТЕРСТВО ПОЛИТИКА, АМБИЦИИ И ОБМАН.	29
ГЛАВА 3. ЧТО ВЫЗВАЛО ВЕЛИКУЮ ДЕПРЕССИЮ?	45
ГЛАВА 4. ПОЧЕМУ ФИКСИРОВАНИЕ ЦЕН НАНЕСЛО УЩЕРБ АМЕРИКАНСКОМУ БИЗНЕСУ	59
ГЛАВА 5. ЗАКОН О РЕГУЛИРОВАНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: КАК ОН УДАРИЛ ПО ФЕРМЕРСТВУ	79
ГЛАВА 6. ПОСОБИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ (WPA): ОКАЗЫВАЛАСЬ ЛИ РЕАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ БЕЗРАБОТНЫМ?	97
ГЛАВА 7. ДРУГИЕ ПРОВАЛИВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ: ЗАКОН ОБ АВИАПОЧТЕ, ЛАГЕРЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ОКАЗАНИЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПОМОЩИ И УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСАМИ БАССЕЙНА РЕКИ ТЕННЕСИ	119
Смерть авиапочтой	119
Смерть на общественных работах	123
Управление ресурсами бассейна Теннесси	127
ГЛАВА 8. ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР: МАНИПУЛИРОВАНИЕ РЫНКАМИ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА, ТАМОЖЕННЫМИ ПОШЛИНАМИ И БАНКОВСКИМ ДЕЛОМ	131
Золото и серебро	131

Внешняя торговля на основе взаимности и закон о ценных бумагах и биржах.	137
ГЛАВА 9. Страховочная сетка или засасывающая тряпина? Минимальная заработная плата, социальное страхование и трудовые отношения.	141
Минимальная заработная плата.	141
Социальное страхование.	145
Трудовые отношения.	149
ГЛАВА 10. Никаких безбилетников: время акциза, подходного налога и корпоративных налогов.	153
ГЛАВА 11. Налоговое управление: личное оружие Рузвельта.	179
ГЛАВА 12. Изменения в федеральном финансировании штатов: выборы 1934 и 1936 г.	203
ГЛАВА 13. Проколы Рузвельта: реформа Верховного суда, партийная чистка и расовый вопрос.	231
ГЛАВА 14. Как обманы Рузвельта навсегда бросили тень на его президентство.	255
ГЛАВА 15. Что должен был сделать Рузвельт: сократить государственные расходы, понизить ставки налогов и таможенные пошлины.	283
ГЛАВА 16. Что на самом деле прекратило Великую депрессию?	291
ГЛАВА 17. Почему запутались историки.	299
ГЛАВА 18. Новый курс и его влияние на современную экономику.	309
Библиография.	318
Указатель.	338

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Новый курс — это веха в политической истории прошлого века. Архитектор нового курса Франклин Рузвельт является одним из наиболее значимых президентов в истории США. Осознавая роль этого президента и его программы, я работал над книгой почти десять лет.

За эти десять лет было немало людей, которым я благодарен за помощь в исследовании и анализе столь важного периода правления Рузвельта. Начну с Гэри Дина Беста. Его книги, его penetrating наблюдения и его знание оригинальных источников очень помогали мне на разных этапах работы. В частности, именно он указал мне на ключевые сборники и ключевые документы в этих сборниках как в Библиотеке конгресса, так и в Президентской библиотеке Франклина Рузвельта. Когда я стал завсегдаем этих библиотек, являющихся центральными хранилищами материалов о Рузвельте и о Новом курсе, профессор Бест сделался моим наставником, проводником к знаниям. Я также благодарю Джона Браемана, многолетнего эксперта по Новому курсу, который прочел эту рукопись дважды и своим критическим взглядом уберег меня от множества ошибок. Марк Лефф — наиболее авторитетный специалист по налоговой политике эпохи Нового курса, и я благодарен ему за то, что он прочитал мои главы о налогах и дал дружеские рекомендации. Мой замечательный коллега и историк рабочего движения Пол Морено раскритиковал несколько глав и углубил мое понимание рабочего класса и Нового курса. Джордж Нэш назвал мне несколько ключевых источников и поделился со мной своими обширными знаниями о периоде Нового курса.

Мне также помогли и студенты, особенно из Хиллсдейл-колледжа. Дженнифер Кинан Харрелл собрала для меня много информации по WPA в Национальных архивах. Бреннан Браун успешно изучил начало зарождения федерального закона о минимальной заработной плате в 1930-х годах. Другие студенты, особенно Кристина Кон, Дженнифер Брайсон и Лэвид Моррелл, написали превосходные работы о Новом курсе, что способствовало нашему глубокому и вдумчивому обсуждению темы. Райан Уолш и Бен Стэффорд проверили факты и, что ценно, выполнили корректуру текста. Розели ванн Опстал составила перечень имен.

Отдельную благодарность приношу сотрудникам Президентской библиотеки Франклина Рузвельта, Библиотеки Конгресса, Исторического общества штата Канзас и Гуверовского института. В частности, Роберт Паркс из Президентской библиотеки Рузвельта помог мне найти источники и поделился со мной своими проницательными гипотезами относительно Рузвельта.

Я очень много почерпнул из дискуссий о Рузвельте и Новом курсе с Эйлин Крэдитор, Артуром Экирхом, Фредом Любке и моим отцом, Бертоном У. Фолсомом-старшим. Все они прожили Новый курс. Мне также оказали самую разную помощь и другие ученые: Ричард Дженсен, Роберт Хиггс, Джим Кауч, Джим Пауэлл, Эмити Шлеес, Джозеф Ришел, Ларри Швайкарт, Гордон Ллойд, Уилл Моррисси, Роберт Иден и Том Крэнневиттер.

Лоренс У. Рид, президент Центра общественной политики Макинак, был отличным другом и постоянным источником идей о политике в целом и Новом курсе в частности. Пять лет работы в его штате я вспоминаю с радостью. Уинстон Эллиотт, президент Центра американской идеи, поддерживал этот проект во время нашего сотрудничества. Рон Робинсон, президент Фонда молодой Америки, — мой друг уже почти 30 лет. Я очень дорожу нашей дружбой; а каждое лето он предоставлял мне площадку для обсуждения Нового курса со студентами или на C-SPAN.

Мой агент Александр Хойт — бесподобный переговорщик и величайший энтузиаст. Он неиссякаемый источник поддержки. Кэйти Саган из «Саймон энд Шустер/Тресхоулд» отредактировала эту книгу и сделала немало ценных замечаний. Мне очень помогли ее советы. Уильям Ф. Бакли-мл. и Эван Гэлбрейт (оба ныне покойные) поверили в этот проект с самого начала. Пять лет назад они начали финансировать мое исследование, выделив мне персональный грант. Бакли утверждал, что самый большой вклад, который ученый может сделать в науку, это исследовать и опспорить центральные идеи своей эпохи.

Последние слова признательности самые дорогие для меня. Без моей жены, Аниты Фолсом, эта книга не была бы ни написана, ни доведена до конца. Она хороший редактор и вдумчивый историк и обсуждала со мной Рузвельта и Новый курс уже столько лет, что и признаться страшно. Ее мудрые советы позволяли мне удерживать баланс и сохранить нужную интонацию на протяжении всей книги. Мой сын Адам тоже терпеливо выслушивал многочисленные беседы за ужином, посвященные 1930-м годам.

Бертон Фолсом-мл., 29 февраля 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Величайший и прочнейший экономический миф XX века — идея о том, что Новый курс Франклина Рузвельта вытащил Америку из Великой депрессии. Эта фантазия настолько повсеместна даже сегодня, что либеральные* лидеры демократов в конгрессе призывают к новому Новому курсу, чтобы повысить доходы среднего класса и защитить американских рабочих от страхов, связанных с конкурентными силами глобальной экономики.

Сегодня нам сообщают, что идеи свободного рынка устарели и что американцам нужны новые меры государственного регулирования, «поручни» и двадцать программ государственных расходов, чтобы скорректировать эксцессы капитализма, такие как мыльный пузырь на рынке жилых домов.

13 апреля 2008 г. статья в «Нью-Йорк таймс» рассказала примерно такую сказку: жил да был однажды поборник свободного рынка Милтон Фридман, который учил нас, что неумелые действия правительства и политиков вызвали, а затем и усугубили Великую депрессию, что и стало доминирующей точкой зрения последних десятилетий. Но теперь «обе партии единодушно считают, что свободные рынки следует сдерживать. Все чаще речь заходит о финансовой помощи, бюджетном стимулировании и регулирующих мерах». Неважно, что в 2007 г. на программы государственных расходов ушло 3 трлн долл. и рекордное количество страниц — 90 тыс. — было исписано федеральными регуляциями и десятью тысячами заповедей, призванными осуществлять все это уже сейчас.

* Здесь следует уточнить, что в США прилагательное «либеральный» означает комплекс идей и политических постулатов, во всех отношениях противоположных классическому либерализму XVIII–XIX вв. Американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее планирование, осуществляемое властями. Причем такое понимание термина «либерализм» или, вернее, использование слова «либерализм» для обозначения такой политики закрепилось в США именно в период Нового курса по инициативе и при самом непосредственном участии Ф. Рузвельта. См.: Ronald D. Rotunda, *The Politics of Language: Liberalism as Word and Symbol* (Iowa City: University of Iowa Press, 1986) [неотредактированный русский перевод см. на <http://libertynews.ru/node/982>]. — *Прим. ред.*

Берт Фолсом с впечатляющей дотошностью разбирает бесконечный каталог провалов правительства, коренящихся в политике Нового курса 1930-х годов. Список простирается от создания системы социального страхования и введения минимальной заработной платы до фермерских субсидий, современной системы социальных пособий, создания Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, высоких таможенных пошлин и введения подоходного налога.

Как отмечает доктор Фолсом, депрессия продолжалась восемь лет *после* избрания Рузвельта и предпринятой им в первые 100 дней президентского срока атаки на свободные рынки. На протяжении двух первых сроков Рузвельта средний уровень безработицы превышал 12%. За 1930-е годы промышленное производство и национальный доход США упали почти на треть. Фондовая биржа не оправилась от «черного вторника» октября 1929 г. вплоть до 1940-х годов.

Самое убийственное обвинение программе Нового курса Рузвельта состоит в том, что она не достигла своей основной цели — положить конец Великой депрессии. Спросите любого, кому за восемьдесят, — все они наверняка скажут, что ФДР заботился о простых работягах и дал стране надежду. Может и так, но заявить, подобно Биллу Клинтону 60 лет спустя: «Я чувствую вашу боль» — это не значит провести в жизнь здравый экономический план. Эмпатия — это, конечно, прекрасно, но она не создаст ни рабочих мест, ни предприятий, ни благосостояния.

Берт Фолсом тщательно анализирует историю той эпохи, и у всех мыслящих людей с незашоренным сознанием не остается сомнений: по всем объективным показателям Новый курс оказался провальным. Вот что мы узнаем из книги Фолсома.

В 1930-е годы введение законодательно установленной минимальной заработной платы повысило безработицу. Налоги и пошлины спровоцировали крупнейший крах фондовой биржи в 1929 г., а затем еще десять лет не давали экономике поднять голову. Тариф Смута—Хоули 1930 г. (подписанный еще Гербертом Гувером), повысивший налог на импорт до рекордно высокой отметки, возможно, стал самым губительным для экономики США законом, принятым конгрессом за всю историю XX в., — быть может, даже хуже, чем создание Управления общественных работ (WPA), Администрации национального восстановления (NRA) и Администрации регулирования сельского хозяйства (AAA). При Рузвельте верхний уровень пошлин взлетел почти до

80%, а затем до 90%, похоронив под собою всякую возможность восстановления, — исторический урок, который демократам не мешало бы усвоить.

Даже программы, которые считаются блистательными примерами успешной государственной политики, больше не сияют так же ярко, как прежде. Система социального страхования выстроена по принципу пирамиды — будущие поколения должны оплачивать щедрые пособия, выплачиваемые нынешним поколениям. Когда на одного пенсионера приходилось сорок работающих, лозунг «Pay as you go»* звучал как мечта, но сегодня выглядит как бухгалтерское мошенничество фирмы «Энрон» по отношению к сегодняшним молодым работающим американцам: на двоих работающих будет приходиться по одному пенсионеру. С каждым годом и без того огромный дефицит системы становится все больше**. Объявлять систему социального страхования грандиозным успехом — все равно что говорить, что у «Титаника» был восхитительный первый рейс, пока он не столкнулся с айсбергом.

Чудо в том, что наша система свободного предпринимательства оказалась достаточно гибкой, чтобы противостоять всем этим ударам и сохранить в себе силы, чтобы в конце концов выкарабкаться из Великой депрессии. Это демонстрирует нам американский дух предпринимательства и твердость характера, оставляя надежду на то, что процветание утрачено не навсегда.

Подготовленный демократами текущий перечень программ «нового» Нового курса, от политики ограничения и торговли квотами на вредные промышленные выбросы в качестве меры против глобального потепления до предельной налоговой ставки 52%, от огосударственного здравоохранения до 300 млрд долл. на новые программы госрасходов ежегодно, по всей видимости, почти намеренно нацелен на подрыв экономики США. Избиратели могут находить недавний лозунг Барака Обамы «Перемены,

* Принцип выплаты текущих пенсий пенсионерам за счет текущих взносов в пенсионную систему от работающих — солидарный принцип пенсионного обеспечения в отличие от накопительных пенсионных систем, где предполагается индивидуальный характер пенсионных накоплений и размер пенсий зависит только от взносов и результатов их инвестирования. — *Прим. ред.*

** См.: *Котликофф Л., Бёрнс С.* Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина бизнес букс, 2005. — *Прим. ред.*

в которые можно верить» крайне привлекательным. Но если мы возьмем этот «новый» Новый курс на вооружение, экономика почти наверняка рухнет.

Один сюжет, описанный в правдивой и важной исторической книге Фолсома, напоминает мне, насколько экономически контрпродуктивны были некоторые законы Нового курса. Фолсом рассказывает о минах замедленного действия, заложенных Рузвельтом в налоговое законодательство: «27 апреля 1942 г. Рузвельт издал президентское распоряжение, в соответствии с которым весь личный доход свыше 25 000 долл. облагался налогом по ставке 100%. Конгресс отклонил эту ставку и позднее понизил максимальный уровень до 90%, но президент и конгресс одобрили введение подоходного налога, взимаемого путем вычетов из заработной платы, а также 20%-ную ставку на весь годовой доход свыше 500 долл.» *Ух ты!* Очевидно, архитекторы Нового курса позабыли о преимуществах снижения налогов в 1920-х годах. Нам пришлось вновь открыть для себя этот налоговый урок десятилетия спустя благодаря кривой Лаффера, согласно которой снижение высоких ставок налогообложения принесет больше поступлений, чем повышение налогов.

Ирония Нового курса в том, что эта программа, основанная на хороших и благих намерениях помочь бедным и безработным, причинила больше человеческих страданий в Америке, чем любой другой комплекс идей XX века. И автор книги доказывает это.

Демократы сегодня раздают похожие красивые обещания: они обещают поставить равенство выше процветания. Однако им, скорее всего, придется обнаружить, как мы знаем из опыта Нового курса, что подобная политика перераспределения в итоге не принесет ни того, ни другого.

Стивен Мур,
ведущий экономический обозреватель,
член редколлегии «Уолл-стрит джорнал»,
соавтор книги «Конец процветания»

ГЛАВА 1

КАК СОЗДАВАЛСЯ МИФ: РУЗВЕЛЬТ И НОВЫЙ КУРС

9 мая 1939 г. Генри Моргентау-мл., министр финансов и один из самых влиятельных людей Америки, сделал поразительное признание. Он сообщил об этом потрясающем факте демократам, которые возглавляли бюджетный комитет в палате представителей. Изливая душу перед соратниками по партии, Моргентау, возможно, размышлял об иронии ситуации.

Вот он — влиятельный министр, располагающий колоссальными полномочиями. Источник его власти — это, конечно, близкая дружба с президентом Франклином Рузвельтом. Моргентау долгое время был соседом президента, его доверенным лицом, и в течение более десяти лет он будет его лояльным министром финансов. Немногие знали президента лучше, говорили с ним дольше и чаще и защищали его преданнее, чем Моргентау. Элеонора Рузвельт как-то раз призналась, что Моргентау был одним из двух человек, которые могли «категорично» сказать ее мужу, что тот неправ, и не поплатиться за это. Рузвельт и Моргентау частенько подшучивали друг над другом на заседаниях кабинета министров, обменивались секретными записками, регулярно обедали вместе и часто разговаривали по телефону. Моргентау бережно хранил у себя фотографии, где они с президентом рядом, бок о бок, в машине, друзья навек. На фотографии рукой Рузвельта начертано «То Henry from one of two of a kind» [«Генри от второго сапога»]¹.

Но в мае 1939 г. у Моргентау возникли проблемы. Великая депрессия — самая разрушительная экономическая катастрофа в истории Америки — не только продолжалась, но и усугублялась. Например, безработица вновь превысила 20%-ную отметку. При этом присутствовал Моргентау, министр финансов, кладезь информации о статистике по американской экономике в 1930-е годы; его лучшим другом был президент США и автор Нового курса; ключевые общественно-политические решения

¹ John M. Blum, *From the Morgenthau Diaries: Yers of Crisis, 1928–1938* (Boston: Houghton Mifflin, 1959), 30–34. Два человека, о которых говорит Элеонора Рузвельт, — это Моргентау и Луис Хоуи.

могли увидеть свет лишь с одобрения Моргантау. И все же, при всей своей власти, Моргантау чувствовал себя беспомощным. И вот прошло почти два полных срока правления Рузвельта и Нового курса, и перед нами ошеломляющие слова Моргантау – его признание, честно сделанное перед собратьями-демократами в Бюджетном комитете палаты представителей: «Мы попытались тратить деньги. Мы расходует больше, чем когда-либо, но это не работает. Меня волнует только одно, и если я ошибаюсь... пусть кто-нибудь другой займет мое место. Я хочу, чтобы наша страна процветала. Я хочу, чтобы у людей была работа. Я хочу, чтобы у людей было достаточно еды. Мы так и не выполнили своих обещаний... После восьми лет работы этой администрации я говорю, что в стране сейчас тот же уровень безработицы, с которого мы начинали... И огромный государственный долг в придачу!»¹

Этими словами Моргантау подвел итоги катастрофического десятилетия, в особенности времени правления Рузвельта. В самом деле, средний уровень безработицы в течение всего 1939 г. был выше, чем в 1931 г., за год до того, как Рузвельт сменил на посту президента Герберта Гувера. Целых 17,2% американцев, или 9 480 000 человек, не имели работы в 1939 г., что выше, чем в 1931 г., – тогда было 16,3%, или 8 020 000 человек. Но есть и положительный момент: 1939 г. был лучше, чем 1932-й и 1933-й, когда Великая депрессия достигла дна, но все же хуже, чем 1931-й, который был тогда худшим годом по уровню безработицы за всю историю США. Ни одна депрессия или рецессия никогда не длилась и половину этого срока.

Иными словами, если бы при Гувере в 1931 г. безработные выстроились друг за другом в колонну по трое, то эта очередь протянулась бы от Лос-Анджелеса до границы штата Мэн. Восемь лет спустя, в 1939 г., три колонны безработных протянулись бы дальше, от границы штата Мэн на юг до Бостона, затем до Нью-Йорка, до Филадельфии, до Вашингтона, округ Колумбия, и, наконец, до Виргинии. Очередь безработных от штата Мэн до Виргинии почти полностью появилась в эпоху правления Рузвельта².

¹ Дневник Моргантау, 9 мая 1939 г., Президентская библиотека Франклина Рузвельта, далее RPL. Данные по безработице см. в: Richard K. Vedder and Lowell E. Gallaway, *Out of Work: Unemployment and Government in Twentieth-Century America* (New York: Holmes & Meier, 1993), 77.

² U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1975), I, 126.

Мы можем зрительно представить себе эту гипотетическую очередь безработных американцев, но как насчет человеческой истории их страданий? Кто были эти люди и о чем они думали? В очереди в районе Чикаго мы встречаем продавца Бена Айзекса. «Куда бы я ни приходил устраиваться, нигде для меня не было работы, — вспоминает Айзекс о затянувшейся депрессии. — Я ходил по улицам и торговал бритвенными лезвиями и шнурками. Был день, когда я обошел все улицы и вернулся с пятьюдесятью центами выручки. Так продолжалось практически до 1940 г.» В письмах президенту Рузвельту находим другие истории. Например, в Чикаго 12-летний мальчик написал президенту: «Мы за газ, за электричество, за продукты счета три месяца не платили... Мой отец сидит дома. И плачет все время, потому что не может найти работу. Я спросил его: „Папа, почему ты плачешь“, а он мне: „Как не плакать, когда в доме пусто“». В нашей гипотетической очереди безработных в г. Латроуб, штат Пенсильвания, мы могли заметить человека, написавшего в 1934 г.: «Ни дома, ни работы, ни денег. Так больше нельзя. Нам отключили воду. Полная антисанитария. Мы не можем содержать детей в чистоте и порядке, как следует». Из г. Августа, штат Джорджия, президенту в 1935 г. пришло такое письмо: «Я ем хлеб и пью воду, и никаких жиров и ничего к хлебу... Мне даже спать не на чем...» Но даже этому человеку пришлось не так туго, как мужчине из г. Бивера-Дэм, штат Виргиния, который написал президенту: «У нас сейчас нет ни работы, ни зимнего постельного белья... У жены и пальто-то на зиму нету. Как нам выжить в приближающиеся холода? Видно, придется вместе мерзнуть да голодать»¹.

Высокая безработица была лишь одним из многих трагических явлений, которые сделали 1930-е катастрофическим десятилетием. Сборник «Историческая статистика США», составленный Бюро переписей США, дорисовывает мрачную картину. Рынок акций, оправившийся в середине 1930-х годов, в конце десятилетия обрушился. С 1937 до 1939 г. цены всех акций упали почти в два раза. За те же годы продажи автомобилей сократи-

¹ Studs Terkel, *Hard Times* (New York: Avon, 1970), 488; Robert S. McElvaine, ed., *Down and Out in the Great Depression* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983), 117, 159, 161, 170–171. Безработица, конечно, по одним секторам экономики ударила сильнее, чем по другим. См.: Richard J. Jensen, “The Causes and Cures of Unemployment in the Great Depression,” *Journal of Interdisciplinary History* 19 (Spring 1989), 553–583.

лись на треть и в 1939 г. были ниже, чем в в любой год из последних семи лет 1920-х годов. С 1937 по 1939 г. число банкротств удвоилось; патентных заявок на изобретения в 1939 г. было меньше, чем в любой год из 1920-х. Отчуждение заложенной недвижимости, объем которого постепенно снижался в 1930-е годы, в 1939 г. стало происходить чаще, чем в любом году за два последующих десятилетия¹.

Еще одним признаком катастрофы 1930-х годов стало наращивание государственного долга. В 1930 и 1931 г. США имели профицит бюджета, но вскоре государственные расходы резко выросли и значительно превысили налоговые поступления. В 1931 г. государственный долг составлял 16 млрд долл.; к концу десятилетия он вырос более чем в два раза, превысив 40 млрд долл. Иными словами, государственный долг за последние восемь лет 1930-х годов — менее чем за десятилетие — вырос больше, чем за всю предыдущую 150-летнюю историю страны. С 1776 по 1931 г. государственные расходы на ведение семи войн и на борьбу с последствиями по меньшей мере пяти рецессий были с лихвой перекрыты долгом, накопленным в течение 1930-х годов. Если для наглядности представить, например, что Христофор Колумб в тот октябрьский день, когда он открыл Новый Свет, решил вносить по 100 долл. в минуту на особый счет, предназначенный для выплаты государственного долга Америки, то к 1939 г. на его счету так и не накопилось бы достаточно средств для выплаты хотя бы долгов, сделанных государством только за 1930-е годы. Другими словами, если бы мы перечисляли по 100 долл. в минуту (в долларах 1930-х годов) на специальный счет обслуживания государственного долга, то нам понадобилось бы более 450 лет, чтобы накопить достаточно денег для того, чтобы рассчитаться по долгам за это десятилетие².

Тяжелое экономическое наследие периода Нового курса также можно увидеть в семи последовательных годах несбалансированной внешней торговли с 1934 по 1940 г. Большая часть государственных расходов этого десятилетия направлялась на искусственное поддержание цен на пшеницу, рубашки, сталь и другие экспортные товары, что, в свою очередь, делало эти товары из-за их высокой цены менее привлекательными для других стран.

¹ *Historical Statistics*, II, 651, 716, 012, 958–959, 1007.

² *Ibid.*, 1105, 1117.

С 1870 по 1970 г. только в годы депрессии и в 1888 г. США имели пассивный торговый баланс¹.

Тяжелым временам часто сопутствуют социальные проблемы. И США 1930-х годов не стали исключением. Например, уровень рождаемости в Америке резко упал, и население страны выросло за это десятилетие лишь на 7%. Для сравнения, в более благополучные 1920-е годы уровень рождаемости был выше, так что население страны выросло на 16%².

Для многих американцев затяжная Великая депрессия 1930-х годов стала временем смерти. Как написала одна восьмидесятилетняя американка, «сейчас [в декабре 1934 г.] многие из нас предпочитают самоубийство перспективе быть загнанными в богадельни». По-видимому, с ней согласились тысячи американцев, поскольку число самоубийств с 1929 по 1930 г. возросло и сохранялось на высоком уровне на протяжении всех 1930-х годов. Не менее печальной была участь и тех, кто отказался от жизни после многолетнего отчаяния и уходил менее демонстративно — в результате случайного падения, автомобильных аварий, под колесами поезда. В годы проведения Нового курса число несчастных случаев на душу населения во всех этих трех категориях достигло рекордной отметки³.

Утрата воли к жизни отразилась и в ожидаемой продолжительности жизни в 1930-е годы. В 1933 г., когда Франклин Рузвельт стал президентом, средняя ожидаемая продолжительность жизни в США составляла 63,3 года. С 1900 г. она постепенно выросла на 16 лет — росла почти на полгода каждый год в первой трети XX в. Однако в 1940 г., после более чем семи лет проведения Нового курса, ожидаемая продолжительность жизни упала до 62,9 лет. Правда, этот небольшой спад не был непрерывным — из этих семи лет два года отмечался рост. Но постепенный рост ожидаемой продолжительности жизни с 1900 по 1933 г. и с 1940 г. до конца века явным образом прерывался только в годы Нового курса⁴.

Остановка роста ожидаемой продолжительности жизни сильнее ударила по чернокожему населению Америки. В 1933 г. ожидаемая продолжительность жизни чернокожих американцев составляла только 54,7 года, но в 1940 г. эта цифра упала до

¹ Ibid., 884.

² *Historical Statistics*, I, 10, 15.

³ Ibid., 58; McElvaine, ed., *Down and Out in the Great Depression*, 103–104.

⁴ *Historical Statistics*, I, 55.

53,1 года. И до и после Великой депрессии разрыв в продолжительности жизни между чернокожими и белыми был меньше, но с 1933 по 1940 г. действительно увеличился. Есть явные признаки того, что в течение первого президентского срока Рузвельта чернокожие страдали сильнее белых¹.

Глядя на разорение 1930-х годов, кто-то может сказать: «Хорошо, допустим, что все десятилетие 1930-х было ужасным. Но ведь Великая депрессия была всемирной катастрофой, разве это не снимает с Америки часть вины за плохую статистику?» Конечно, Великая депрессия потрясла большую часть мира, но некоторые страны справились с ней лучше других, ограничив ущерб и восстановив экономический рост. К счастью, Лига Наций собрала данные по многим странам за 1930-е годы по промышленному производству, безработице, государственному долгу и налогам. Как выглядят США по сравнению с другими странами? Ответ: по всем этим четырем ключевым показателям США показали очень плохие результаты, едва ли не хуже, чем у любой другой страны, охваченной этим исследованием. Большинство стран Европы пережили Великую депрессию лучше, чем США².

В десятилетие экономической катастрофы, каковым были 1930-е годы, серьезную опасность представляет упадок нравов. Если подавляющее большинство людей голодает, не имеет работы и вынуждено платить более высокие налоги, чем раньше, то не может ли это пагубно отразиться на таких качествах людей, как отзывчивость, честность и единство, необходимые для сплочения общества? Сборник «Историческая статистика США» немало помогает ответить на этот вопрос. В 1930-е годы несколько выросло число убийств. Более 10 000 убийств в год было зарегистрировано лишь семь раз с 1900 по 1960 г., и все эти семь лет приходится на 1930-е годы. За это десятилетие фактически удвоилось число арестов: в 1932 г. их было произведено почти 300 000, а потом цифра постоянно возрастала, и пик пришелся на 1939 г. — около 600 000. Уровень разводов также возрос, особенно в конце 1930-х, а число больных сифилисом почти удвоилось, тогда как число больных гонореей осталось примерно на том же уровне³.

¹ Ibid., 55.

² *World Economic Survey: Eighth Year, 1938/39* (Geneva: League of Nations, 1939), 128.

³ *Historical Statistics*, I, 64, 77, 414, 415.

Статистика не способна рассказать всю историю изменения нравов в 1930-е годы. Чтобы свести концы с концами во время Великой депрессии, многие открыто грозились пойти воровать (или подумывали о воровстве). Безработица заставляла людей ездить на поездах «зайцем» — либо в поисках работы в других городах, либо просто чтобы покочевать по стране. Выступая на слушаниях в сенате, Р. С. Митчелл из Миссурийско-Тихоокеанской железной дороги говорил, что путешествовавшие подобным образом молодые люди часто встречали в дороге «опасных преступников», которые оказывали «дурное влияние» на такую молодежь. Из сборника «Историческая статистика» видно, что в период с 1933 по 1936 г. число смертей правонарушителей на железной дороге достигло максимального уровня за всю предыдущую историю¹.

Рузвельт и историки

Верно ли, что Новый курс, вместо того чтобы покончить с Великой депрессией, на самом деле ее продлил? Важно задуматься над этим вопросом. Почти все историки этого периода оценивают Рузвельта как очень хорошего или великого президента, а программы Нового курса — как движение в правильном направлении. За немногими исключениями историки щедро расхваливают Рузвельта как эффективного новатора, а Новый курс — как программу, в которой отчаянно нуждалась находившаяся в депрессии страна и которая ей очень помогла.

Примеры столь восторженной оценки находим у двух наиболее выдающихся американских историков XX в., Генри Стилла Коммаджера и Ричарда Морриса. Коммаджер за время своей впечатляющей карьеры в Колумбийском университете и колледже Эмхерста, написал более сорока книг, став, возможно, самым популярным историком столетия. С первого года правления Рузвельта Коммаджер читал лекции и писал статьи в защиту Нового курса. Его младший коллега по Колумбийскому университету Ричард Моррис был плодовитым писателем и президентом Американской исторической ассоциации. Вот как оценивали Рузвельта и Новый курс Коммаджер и Моррис:

¹ David A. Shannon, ed., *The Great Depression* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1960), 58–61.

«Характер республиканского правления в 1920-е годы был абсолютно негативным; характер Нового курса был в высшей степени позитивным. „Страна просит действий, причем немедленных“, – сказал Рузвельт в первой инаугурационной речи и попросил „широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией“...

Это материал для добротного исторического повествования: энергичное и динамичное лидерство; обширная программа, направленная на то, чтобы помочь государству вернуть потерянное поколение и решить массу скопившихся вокруг него проблем; народ стал обретать решительность и уверенность в себе; страна осознала свою ответственность и потенциал. Какая драматургия! Над разоренным полем восходит солнце; новый лидер поднимает стяг и дерзко размахивает им перед неприятелем; вокруг него собираются последователи, из тени появляются армии новобранцев и образуют сплоченные ряды; играет оркестр, развеваются флаги, армия движется вперед, и вскоре издалека доносятся шум сражения и крики победы. По прошествии времени мы понимаем, что события развивались несколько иначе, но в то время это выглядело именно так»¹.

В оценке Коммаджера и Морриса можно выделить четыре основных пункта защиты Рузвельта и Нового курса, которые были приняты большинством историков в последние 70 лет: во-первых, 1920-е годы были эпохой экономического бедствия; во-вторых, программы Нового курса исправили ошибки 1920-х годов и стали шагом в правильном направлении; в-третьих, Рузвельт (и Новый курс) были очень популярны; в-четвертых, Рузвельт был хорошим администратором и моральным лидером.

Эти четыре пункта легли в основу того, что многие историки называют «легендой о Рузвельте». Ниже я буду часто цитировать сочинения Артура Шлезингера-мл. и Уильяма Лехтенберга, поскольку они сыграли ключевую роль в формировании и конкретизации этого мнения о Рузвельте. Шлезингер дважды становился лауреатом Пулитцеровской премии и был, вероятно, самым известным историком в Америке. Его три тома о взлете Рузвель-

¹ Генри Стил Коммаджер и Ричард Б. Моррис, «Предисловие редактора», в: William E. Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal, 1932-1940* (New York: Harper & Row, 1963), IX–X. Ценную биографию Коммаджера написал Нейл Джамонвилл: Neil J. Munson, *Henry Steele Commager: Midcentury Liberalism and the History of the Present* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999).

та и о начале Нового курса стали классикой жанра. Профессор Колумбийского университета и университета Северной Каролины Лехтенберг написал классический однотомник об истории Нового курса. Лехтенберг учился и написал диссертацию под руководством Коммаджера. Маститый Коммаджер был рад такой преданности Лехтенберга Рузвельту и предоставил Лехтенбергу возможность написать историю Нового курса для престижной серии «New American Nation». За свою карьеру Лехтенберг подготовил множество историков Нового курса, которые позднее писали книги и большие статьи об этом периоде американской истории. Никто и никогда не подготовил и, возможно, уже не подготовит больше историков Нового курса, чем Уильям Лехтенберг¹. Ниже мы более подробно рассмотрим четыре мифа, которые выпестовали Коммаджер, Моррис, Шлезингер, Лехтенберг и большинство историков.

Первый миф. Как писали Коммаджер и Моррис, «характер республиканского правления в 1920-е годы был абсолютно негативным; характер Нового курса был в высшей степени позитивным». Иными словами, 1920-е годы были сплошной экономической катастрофой, приведшей к Великой депрессии, а Новый курс Рузвельта предложил полезные инструменты для смягчения ситуации, частичного восстановления и реформирования американской экономики.

Чтобы отстоять этот взгляд, и Шлезингер, и Лехтенберг придерживают тезис недопотребления, согласно которому Великая депрессия ускорила потому, что у рабочих не было адекватной покупательной способности в 1920-е годы, чтобы покупать продукцию индустриальной Америки. По Шлезингеру, «намерение руководства [в 1920-х годах] поддерживать цены на определенном уровне... означало, что рабочие и фермеры были лишены преимуществ от роста их собственной производительности труда. Следствием стал относительный спад массовой покупательной способности». Президент Калвин Кулидж и его министр финансов Эндрю Меллон способствовали резкому расслоению

¹ Вот лишь один пример обширного влияния Лехтенберга. В своей книге «The FDR Years: On Roosevelt and His Legacy» (New York: Columbia University Press, 1995) Лехтенберг пишет, что посвящает свою работу «моим студентам, которые писали об эпохе Нового курса и которые так многому меня научили». Впечатляющий список одних только студентов насчитывает восемьдесят девять имен ученых, которые писали книги или статьи о Новом курсе. См. также: Jumonville, *Henry Steele Commager*, 31–36, 132–133.

в уровне доходов, понизив налоги на богатых. «Налоговая политика Меллона, — пишет Шлезингер, — делавшая акцент на послаблениях для миллионеров, а не для потребителей, лишь усугубила искажения в распределении доходов и накопление избыточных сбережений». Лехтенберг развивает ту же мысль: «Коль скоро мы признаём теорию, что недопотребление объясняет Великую депрессию, а я именно так и считаю, то можно сказать, что вина лежит на президентах 1920-х годов...»¹

Второй миф: «Характер Нового курса был в высшей степени позитивным». Его намерения были прекрасны, а результаты, как правило, положительные. В поддержку этой точки зрения историки цитируют статистику: в 1933 г., в первый год правления Рузвельта, уровень безработицы составлял 25%, а потом он стал постепенно снижаться и к концу первого президентского срока, в начале 1937 г., составлял около 15%. Получается, что Новый курс хоть и не положил конец Великой депрессии, но был шагом в правильном направлении. Уильям Лехтенберг пишет: «Новый курс помог создать более справедливое общество, признав группы, которые не имели широкого представительства, — фермеров, выращивающих основные сельхозкультуры, промышленных рабочих, отдельные этнические группы и новый интеллектуально-административный класс». Ему вторит многолетний профессор Гарвардского университета Сэмюэл Элиот Морисон: «Новый курс был именно тем, что подразумевало его название, — новой сдачей старой колоды*, которую больше не будут тасовать против простого человека». Авторы учебников часто затрагивают эту тему. Историк Джозеф Конлин заключает: «Величайшим положительным достижением Нового курса было облегчение экономических тягот миллионов американцев...»²

Третий миф. Рузвельт был популярным и любимым президентом. Он получал беспрецедентное количество писем от поклонников и переизбрался на второй срок с сокрушительным

¹ Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Crisis of the Old Order, 1919–1933* (Boston: Houghton Mifflin, 1957), 159–160, 167; John A. Garraty, *Interpreting American History; Conversations with Historians* (London: Macmillan, 1970), 171.

* Английское слово «deal» означает также «сдача карт». — *Прим. перев.*

² Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal*, 347; Samuel Eliot Morison, *The Oxford History of the American People* (New York: Oxford University Press, 1965), 953; Joseph R. Conlin, *The American Past*, 6th ed. (Belmont, Calif.: Wadsworth, 2001), 833. Морисон был соавтором крупного труда по истории США: *A Concise History of the American Republic*, 7th ed. (New York: Oxford University Press, 1977), наряду с Коммаджером и Лехтенбергом.

перевесом 523 к 8 в коллегии выборщиков, а после этого был переизбран еще на два срока. Его «беседы у камина» подняли дух американцев и сплотили их вокруг его Нового курса. «Он достучался до людей, — писал Шлезингер, — потому что они чувствовали — и не ошиблись, — что он их любит и заботится о них». Конлин пишет: «Если Тедди [Рузвельт] нравился и вызывал симпатию, то ФДР любили и превозносили». Были, конечно, и очаги оппозиции Рузвельту, особенно среди некоторых эгоистичных и жадных бизнесменов, которые отвергали регулирование и налоги программ Нового курса. «Рузвельт, — пишет Лехтенберг, — был также полон решимости регулировать крупные финансовые операции, что неизбежно стоило ему поддержки бизнеса». Однако большинство американцев горячо поддерживали президента. На самом деле на первых промежуточных выборах 1934 г. его партия увеличила количество мест и в палате представителей, и в сенате, чего за период с 1902 по 1998 г. удалось достичь только Рузвельту. К 1936 г. демократы имели в конгрессе больше мест, чем любая партия за последние 150 лет¹.

Четвертый миф. Рузвельт был замечательным руководителем и моральным лидером. Шлезингер, как и все историки, признает, что Рузвельт «допускал ошибки и в экономике, и в политике», но все равно был великим президентом. «Рузвельт обладал превосходными лидерскими качествами, великолепной способностью отбирать энергичных подчиненных и управлять ими, огромным мастерством общественного просветителя и колоссальной способностью поднимать дух республики и мобилизовать национальную энергию». По мнению Морисона, «Рузвельт вновь утвердил президентское лидерство, позиции которого были подорваны тремя его предшественниками, и способствовал росту федеральной власти, который затормозился со времен Первой мировой войны». Лехтенберг заключает, что «если тестом на хорошего администратора является не выверенная организационная структура, а творчество, то Рузвельта необходимо увековечить не просто как хорошего администратора, но и как изобретательного новатора». Более того, «Франклин Рузвельт воссоздал современный институт президентства. Он занял эту должность, которая за предыдущие 12 лет во многом утратила свою престижность и влияние

¹ Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Coming of the New Deal* (Boston: Houghton Mifflin, 1958), 572; Conlin, *The American Past*, 818; Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal*, 90.

ность, и придал ей... значимость...» Моральное лидерство важно, и Лехтенберг пишет, что «по сути он [Рузвельт] был моралистом, который хотел добиться нравственных изменений и научить нацию принципам правления». «Президентство, — сказал однажды сам Рузвельт, — это не просто административная должность... Это преимущественно место нравственного лидерства»¹.

Эти четыре элемента легенды о Рузвельте дали сильный кумулятивный эффект, так что историки регулярно называют Рузвельта одним из трех лучших президентов в истории США. А согласно самому последнему опросу Шлезингера (1996 г.), величайшими президентами за всю историю США американцы называют Рузвельта и Линкольна. Рузвельт и его Новый курс стали американскими идолами. Как пишет Конлин, «с того момента, когда Ф.Д.Р. произнес свою звонкую инаугурационную речь, — тучи над Вашингтоном расступились в нужный момент, и показалось мартовское солнце, и всем стало очевидно, что он прирожденный лидер». Еще до смерти Рузвельта Конлин отмечал: «...историки считали его величайшим руководителем... Ни одно последующее поколение судей не понизило его в звании». Лехтенберг заключает: «Немногие будут отрицать, что Франклин Делано Рузвельт продолжает задавать стандарт, по которому оценивали и, возможно, будут оценивать каждого его преемника»².

Конечно, историки часто бывают занудами, и все, кто занимался Рузвельтом и его президентством, выражают недовольство. Интересно, что большинство жалоб сводится к тому, что Рузвельт должен был сделать больше, чем он сделал, а не меньше. «Когда Рузвельт пришел к власти, кругом царил такая разруха, — утверждает Лехтенберг, — что даже беспрецедентных мер Нового курса не хватало, чтобы восполнить ущерб». Таким образом, по мнению Лехтенберга и других, Новый курс был лишь «первой половиной революции», которая должна была пойти дальше. Некоторые историки говорят, что во время рецессии 1937 г. Рузвельт должен

¹ Morison, *The Oxford History of the American People*, 986; Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal*, 327–328, 346; Frank Freidel, *Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny* (Boston: Little, Brown, 1990), 94.

² Conlin, *The American Past*, 818; Leuchtenburg, *The FDR Years*, 34. Большинство «новых левых» историков хотя и критикуют ФДР за то, что он не сделал большего, в целом поддерживают четыре основных слагаемых легенды Рузвельта. См.: Barton J. Bernstein, “The New Deal: The Conservative Achievements of Liberal Reform,” in Barton J. Bernstein, ed., *Towards a New Past: Dissenting Essays in American History* (New York: Vintage, 1968), 263–288.

был сделать дефицитное финансирование государственных расходов более масштабным; другие критикуют его за то, что он недостаточно решительно отстаивал гражданские права; третьи указывают на злоупотребления или коррупцию в некоторых программах; есть и такие, кто считает, что он должен был сделать больше для перераспределения богатства. Большинство историков заключают, что Новый курс был консервативной революцией, которая помогла спасти капитализм и сохранить существующий порядок. Некоторые историки, писавшие о Новом курсе в 1980-х, 1990-х и 2000-х годах — и получившие общее расплывчатое название «школа ограничений», — утверждают, что Новый курс действительно инициировал много необходимых перемен, но Рузвельт при этом располагал ограниченной свободой действий, а следовательно, провел столько реформ, сколько позволили обстоятельства¹.

Эта недавняя критика Рузвельта и Нового курса слегка видоизменяет, но не подрывает легенду о Рузвельте. Названные четыре пункта защиты остаются нетронутыми и обычно обнаруживаются в большинстве исторических работ о Новом курсе и фактически во всех сегодняшних учебниках по истории Америки.

Сказанное можно проиллюстрировать двумя примерами. Дэвид Кеннеди и Джордж Макджимси, которых с той или иной мерой условности можно отнести к «школе ограничений», недавно написали книги об эпохе Рузвельта. Книга Кеннеди получила Пулитцеровскую премию по истории, а книга Макджимси вошла в знаменитую серию, посвященную американским президентам. Кеннеди прославляет «замечательное поколение ученых», которые выступили «первопроходцами в деле изучения эпохи Нового курса». Цитируя Лехтенберга, Шлезингера и четырех других похожих историков, он пишет: «Хотя я порой и не соглашаюсь с их акцентами и оценками, они заложили основу, на которой базируется все дальнейшее изучение этого периода, включая мое собственное». Кеннеди, как и его предшественники, приходит к выводу: «Новый курс Рузвельта был гостеприимным особняком со множеством комнат, местом, в котором миллионы его сограждан могли найти по крайней мере некую толику... безопасности...». Макджимси, как и его предшественники, хвалит Рузвельта: «Ни один президент в нашей истории не был столь мужественен,

¹ Leuchtenburg, *Franklin Roosevelt and the New Deal*, 347; Thomas A. Bailey, David M. Kennedy, and Lizabeth Cohen, *The American Pageant*, 11th ed. (Boston: Houghton Mifflin, 1998), 823.

прозорлив и стоек в решении труднейших проблем, как Рузвельт». Макджимси заключает, что «одно из крупнейших достижений Рузвельта состояло в создании институциональной структуры для современного государства благосостояния... Последующие президенты, — одобрительно замечает Макджимси, — свободнее, чем прежде, использовали государство в творческих целях».¹

На устойчивый характер популярности Рузвельта среди историков обратил внимание Артур Шлезингер-мл., которого самого критиковали за его книги о Рузвельте. В 1988 г. Шлезингер заметил, что стремительно растущее ученое сообщество скорее отполировало, нежели замарало легенду о Рузвельте. В 1988 г., почти 30 лет спустя после того, как были опубликованы фундаментальные труды Шлезингера о Рузвельте, он, проанализировав поток последних книг о Новом курсе, заключил, что «появилось немало серьезной литературы о самых разных аспектах эпохи Рузвельта. Я не считаю, что лавина научных книг, монографий и статей меняет основное направление истории, рассказанной в трехтомнике, но в некоторых есть оригинальные теории, а другие добавляют ценные штрихи»².

После своего опроса о президентах, проведенного в 1996 г., Шлезингер поверил в Рузвельта больше, чем когда-либо. Из тридцати двух опрошенных экспертов тридцать один поставил его на первое место, назвав «великим», а один — на второе (титул «почти великий»). «Долгие годы лидерство ФДР в опросах приводило в ярость многих оппонентов его Нового курса, — писал Шлезингер. — но теперь, когда даже Ньют Гингрич называет ФДР величайшим президентом столетия, консерваторы относятся к лидерству ФДР со стоическим спокойствием». Ему вторит историк Дэвид Хэмилтон, редактор сборника статей о Новом курсе: «В последние годы консервативная критика [Нового курса] привлекает меньше внимания...» Иными словами, согласно Шлезингеру и многим историкам, споры окончены, ибо легенда Рузвельта признана даже консервативными историками³.

¹ David M. Kennedy, *Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945* (New York: Oxford University Press, 1999), xi, 378; George McJimsey, *The Presidency of Franklin Delano Roosevelt* (Lawrence: University Press of Kansas, 2000), 287–288, 295.

² Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Politics of Upheaval* (Boston: Houghton Mifflin, 1988 [1960]), x.

³ Arthur M. Schlesinger, Jr., “Rating the Presidents: Washington to Clinton,” *Political Science Quarterly* 112 (1997), 182; David E. Hamilton, ed., *The New Deal* (Boston: Houghton Mifflin, 1999), 231. Опрос Шлезингера — старейший опрос о президентах, впервые проводился в 1948 г. Артуром Шлезингером-

Историческая литература скорее подтверждает вывод Шлезингера. Однако сейчас так много книг и статей о Рузвельте и Новом курсе, что прочесть их все практически невозможно. Из современных ученых ближе всех подошел к освоению литературы о Новом курсе историк Энтони Бэджер, и его книга «Новый курс: годы депрессии, 1933–1940» является незаменимым пособием для современного историка, пытающегося разобраться во всем, что написано по теме. Бэджер по-доброму пишет о Шлезингере и Лехтенберге, двух ключевых историках, сформировавших исторический дискурс в отношении Нового курса: «В эпоху, когда специальные монографии можно было пересчитать по пальцам, оба автора [Шлезингер и Лехтенберг] в высшей степени точно охарактеризовали критические проблемы, стоявшие на повестке дня в самых разнообразных аспектах реализации Нового курса. Оба прекрасно ориентировались в обширном архивном материале. Никто и никогда не сравнится со Шлезингером в мастерстве драматического рассказчика. Никто и никогда не напишет однотомник о Новом курсе лучше, чем это сделал Лехтенберг»¹.

Таким образом, легенда Рузвельта выглядит нетронутой. А пока она остается нетронутой, в американской политике будут по-прежнему преобладать принципы государственной политики, заимствованные из Нового курса. Как заметил историк Рэй Биллингтон, Новый курс «навсегда установил принцип положительных действий правительства для реабилитации и сохранения человеческих ресурсов страны»². С другой стороны, как мы видели, имеется ворчливое наблюдение Генри Моргентау, министра финансов, друга Рузвельта и человека, который находился в самом эпицентре событий. С глубокой грустью он признавался: «Мы расходим больше, чем когда-либо, но это не работает... Мы так и не выполнили своих обещаний...»

Поскольку уровень безработицы в стране в минувшем апреле 1939 г. составлял 20,7%, в признании Моргентау имеется зерно истины.

Возможно ли, что легенда о Рузвельте на самом деле миф?

ст., затем был возобновлен им же в 1962 г. и вновь проведен в 1996 г. его сыном. Ведущих историков просят оценить президентов по шкале «великий – почти великий – средний – ниже среднего – провальный».

¹ Anthony J. Badger, *The New Deal: The Depression Years, 1933–1940* (New York: Hill & Wang, 1989), 314.

² Ray A. Billington, *American History after 1865* (Totowa, N.J.: Littlefield, Adams, 1968), 193.

ГЛАВА 2

ВОСХОЖДЕНИЕ РУЗВЕЛЬТА

К ВЛАСТИ: МАСТЕРСТВО ПОЛИТИКА, АМБИЦИИ И ОБМАН

Для многих наших современников Франклин Рузвельт по-прежнему остается американской иконой. Каким же человеком он был? Основные факты жизни Рузвельта хорошо известны. Он родился в городе Гайд-Парк, штат Нью-Йорк, в семье состоятельных демократов и был единственным ребенком. Его женой стала дальняя родственница Элеонора Рузвельт, любимая племянница президента Теодора Рузвельта. Франклин всячески культивировал связь со знаменитым родственником, и это родство пробудило в нем интерес к политике. Он был привлекателен внешне, обладал умом политика и был хорошим оратором, а также имел необходимые связи — все это помогло ему в начале его политической карьеры. Он дважды избирался в сенат штата Нью-Йорк и служил помощником министра ВМС в годы Первой мировой войны. Дважды Рузвельт терпел поражение в политике — на предварительных выборах в сенат США в 1914 г. и на выборах кандидата на пост вице-президента от демократической партии в 1920 г. В 1921 г. он заболел полиомиелитом и потерял способность самостоятельно передвигаться. Однако и будучи прикованным к инвалидному креслу он продолжал политическую карьеру, шесть раз выиграв выборы, — дважды избирался губернатором штата Нью-Йорк и четыре раза — президентом США. Все это лишь голые факты, и добавить к ним можно очень и очень многое¹.

Борьба с болезнью требовала особых качеств, и Рузвельт на пути к президентству проявил огромную настойчивость и изобретательность. Школьные учителя и сверстники были не слиш-

¹ Некоторые биографические издания о Рузвельте: Frank Freidel, *Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny* (Boston: Little, Brown, 1990); James MacGregor Burns, *Roosevelt: The Lion and the Fox* (New York: Harcourt, Brace, & World, 1956); Arthur Schlesinger, Jr., *Crisis of the Old Order, 1919–1933* (Boston: Houghton Mifflin, 1957), 273–485; Ted Morgan, *FDR: A Biography* (New York: Simon & Schuster 1985); Conrad Black, *Franklin Delano Roosevelt: Champion of Freedom* (New York: Public Affairs, 2003). См. также: Paul Conkin, *The New Deal* (Wheeling, Ill.: Harlan Davidson, 1992 [1967]), 1–21.

ком высокого мнения о нем как интеллектуале, но он быстро учился, либо у других, либо на опыте. Обладая прекрасной памятью, он был неистощимым рассказчиком и всегда искал слушателей. Он любил быть в центре внимания и зачастую мог что-то преувеличить и присочинить, чтобы удержать аудиторию и произвести на нее впечатление. Это был уверенный в себе человек; он, как и большинство успешных политиков, обладал харизмой, и люди шли за ним.

Удивительно, что, будучи богатым и влиятельным, Рузвельт не имел склонности ни к экономике вообще, ни к бизнесу в частности. От необходимости зарабатывать на жизнь или вникать в то, как устроен бизнес, он был избавлен отчасти благодаря тому, что рос в обеспеченной семье. «Денежные дела никогда в доме не обсуждались, — вспоминала его мать Сара, — мы жили за городом, и возможностей тратить было немного... Покупались все необходимые книги и игрушки. Мы никогда ни в чем не ограничивали мальчика»¹.

Впрочем, непонятно, какой опыт в управлении финансами могли передать сыну родители, если бы даже захотели. Его отец, Джеймс, унаследовавший свое состояние от предков, едва не прогорел после нескольких неудачных вложений в южные железные дороги и строительство канала в Никарагуа. Дед по материнской линии Уоррен Делано разбогател на нелегальной продаже опиума китайским наркоманам. «Я не собираюсь оправдывать... торговлю опиумом ни с моральной, ни с филантропической точки зрения», — говорил он и все же не прекратил своей деятельности даже после того, как правительство Китая объявило войну торговле опиумом. Когда Делано наконец оставил это занятие и обосновался в Нью-Йорке, его законный бизнес оказался не более успешным, чем у Джеймса Рузвельта. Остро нуждаясь в средствах, Делано вернулся к торговле опиумом, и несколько лет своей юности, пока отец поправлял финансовые дела семьи, Сара провела в Китае².

С 1865 по 1910 г. США превратились в крупнейшую индустриальную державу в мире, но Рузвельты, несмотря на унаследованное ими богатство, не предпринимали в этот период почти ничего, что могло бы увеличить или уменьшить их состояние.

¹ Geoffrey C. Ward, *Before the Trumpet: Young Franklin Roosevelt, 1882–1905* (New York: Harper & Row, 1985), 125–126.

² Ward, *Before the Trumpet*, 71.

Другие американцы, зачастую более бедные, а порой и иммигранты, рисковали своими средствами и вывели Америку в лидеры по строительству железных дорог, производству нефти и стали. Например, Корнелиус Вандербильт, создавший преуспевающую Нью-Йоркскую центральную железнодорожную компанию и ставший самым богатым человеком в стране, тоже был выходцем из голландской семьи, обосновавшейся в штате Нью-Йорк. Иммигрант Томас Диксон, который начинал погонщиком мулов, стал крупным промышленником и президентом Железнодорожной компании Делавера и Гудзона. Джеймс Рузвельт, занимая пост вице-президента компании, работал с ними обоими, точнее — под их началом. Томас Диксон был боссом, и получившего прекрасное воспитание Рузвельта, вероятно, раздражало, что он должен исполнять приказы необразованного иммигранта. Когда внук Вандербильта Фредерик поселился по соседству с Рузвельтами, Джеймс отказался принять приглашение на обед в дом Вандербильтов и сказал жене: «Если мы примем приглашение, то нам придется принимать их у себя»¹.

Юный Франклин очень любил эту историю и часто с удовольствием рассказывал ее, но снобом, как отец, не был. Правда, Элеонора отмечала, что «в обществе людей иного социального круга, Франклин постоянно чувствует себя в напряжении». Однако в политике он демонстрировал поразительное умение убедить и направить тех, кому не случилось родиться в богатой или влиятельной семье².

Проведя детство в Гайд-Парке, в огромном особняке, укрытом от бед и тревог, Рузвельт отправился в школу в Гротоне, а затем в Гарвард, чтобы учиться вместе с людьми своего социального круга. И в школе, и в колледже ему пришлось нелегко, на его долю выпало немало разочарований. В Гротоне, признавался он через много лет, «я всегда чувствовал себя не в своей тарелке». Учился он добросовестно, но «не блестяще», как отмечал ректор. И в спорте его жалкие усилия не производили впечатления на его более способных сверстников. Он говорил Элеоноре, что «всегда был немного чужаком». Ему не удалось попасть в футбольную команду; записавшись в секцию бейсбола, он оказался в «новой команде, которую можно назвать ББ — бейсболисты-

¹ Ward, *Before the Trumpet*, 211; Kenneth S. Davis, *FDR: The Beckoning of Destiny, 1882–1928* (New York: Random House, 1972), 28–29.

² Geoffrey C. Ward, *A First-Class Temperament: The Emergence of Franklin Roosevelt* (New York: Harper & Row, 1989), 139.

бездельники» (BBBB, Bum Base Ball Boys), так как она, по словам Рузвельта, объединила «худших игроков школы». Тогда он занялся боксом. Но постыдно, в двух раундах, проиграл свой первый и последний боксерский поединок на глазах у одноклассников. Победивший в той дуэли Фуллер Поттер говорил впоследствии [о политической карьере Рузвельта]: «Вот уж не ожидал такого от Фрэнка. В школе он ничем себя не проявил»¹.

Жизнь Рузвельта в Гарварде во многом походила на жизнь в Гротоне. С футбольной командой вновь не получилось, и его отправили в группу поддержки. Оценки в колледже были посредственными, преимущественно «С» и «С+». Мир серьезных занятий и глубоких исследований не привлекал Рузвельта, и он сосредоточил свое внимание на социально-политических обществах, клубных дискуссиях и журналистике. И опять удача сопутствовала не во всем. Рузвельта приняли в известный клуб «The Fly», он получил пост редактора знаменитой гарвардской газеты «Кримсон». Но в клуб «Порцелиан», самый старый и престижный в Гарварде, его не приняли. В этом сообществе состоял его отец — а также Тедди Рузвельт и двое его сыновей, — поэтому собственный провал был особенно обидным. Пятнадцать лет спустя Рузвельт признавался родным, что отказ принять его в «Порцелиан» стал для него «самым тяжелым разочарованием в жизни»². Впрочем, члены клуба являлись будущими банкирами, предпринимателями и юрисконсультами; Рузвельт же был будущим политиком.

Будучи очень честолюбивым, юный Рузвельт остро переживал разрыв между своими радужными надеждами и скромными достижениями в учебе. Он пытался бороться с неудачами своими средствами: что-то утаить, что-то преувеличить, а что-то и присочинить. Трудно сказать, когда эта привычка приукрашивать действительность зародилась, но в Гротоне она получила дальнейшее развитие. Например, когда в соревновании по бегу среди ста участников Рузвельт показывал слабый результат, то говорил родителям, что пришел четвертым; он знал, что обман не раскроется, так как в школьной газете — которая могла попасться им на глаза — упоминалась только тройка победителей. Джеффри Уорд, изучивший юные годы Рузвельта, пожалуй, глубже и серьезнее других историков, приводит примеры того, как Рузвельт мани-

¹ Ward, *Before the Trumpet*, 180–181, 185, 208.

² Ward, *Before the Trumpet*, 215, 236; Davis, *FDR*, 129–167.

пулировал фактами, объясняя причины своих неудач: «Мальчики, которые опережали его в беге, побеждали в боксе или превосходили в игре в футбол, неизменно оказывались, по словам Рузвельта, либо слишком профессионально подготовленными, либо слишком крупными, чтобы соревнование могло считаться честным; если же он опускался вниз в списке успеваемости, то это происходило из-за того, что в школу поступили два новых «ужасно умных» мальчика. А если он считал, что искажение правды пройдет незамеченным, то не колеблясь шел и на это»¹.

Окончив Гарвард, Рузвельт попытался найти свою нишу на юридическом факультете Колумбийского университета. Однако снова не показал выдающихся результатов. По мнению одного из его преподавателей, Джексона Рейнолдса, «ни как студент (в Колумбийском университете), ни как юрист впоследствии Франклин Рузвельт ничего особенного собою не представлял... Склонности к юриспруденции у него не обнаружилось, и он не предпринимал никаких усилий, чтобы, упорно занимаясь, преодолеть этот недостаток. Он не работал, потому и провалился на экзаменах». Экзамен по курсу Джексона, впрочем, Рузвельт сдал, зато провалил два других. В итоге он так и не окончил университет, хотя и сдал профессиональный экзамен, что давало право на работу в одной из юридических фирм Нью-Йорка. В этот период Рузвельт женился на своей кузине Элеоноре, причем невесту к алтарю вел президент Теодор Рузвельт, однако это был брак по расчету². Сверстники Рузвельта, окончившие Гарвард и Гротон, обычно продолжали свою карьеру в банковском деле или бизнесе. Рузвельта же эти области совершенно не привлекали. Пытаясь найти себе подходящее место, он устроился юристом в нью-йоркскую юридическую фирму «Картер, Ледьярд энд Милбурн». Однако Льюис Ледьярд, старший партнер, был недоволен качеством (и количеством) работы Рузвельта и считал его абсолютно бесполезным сотрудником. Молодого Франклина, впрочем, это не очень заботило. Юриспруденция и бизнес его не интересовали, а семейное состояние избавляло от необходимости угождать Льюису Ледьярду, Джексону Рейнолдсу и вообще кому бы то ни было, за исключением, пожалуй, обожавшей его и недавно овдовевшей матери. Сводный брат Рузвельта Джеймс Рузвельт-мл., который был намного старше и считался джентльменом, никог-

¹ Ward, *Before the Trumpet*, 204.

² Ward, *First-Class Temperament*, 62

да не работал с полной занятостью. Так же мог бы жить и Франклин, и в этом случае мать, скорее всего, поддержала бы его выбор и выделила средства на содержание¹.

Но в молодом Франклине пробудился острый интерес к политике. Способности и желание, которых ему так не хватало в его занятиях юриспруденцией и бизнесом, проявились теперь в занятиях политикой. Он медленно учился искусству влиять на людей. Франклину было всего 25 лет, никаких собственных идей у него еще не появилось, и тем не менее он нацелился на президентство. Обсуждая с коллегами в конторе Ледьярда планы на будущее, Франклин подробно объяснял им, как он собирается в один прекрасный день выиграть президентскую гонку. Используя свое обаяние и дар убеждения, Рузвельт разворачивал перед слушателями свою стратегию победы, выстроенную по образцу «шагов» его знаменитого кузена: сначала он будет бороться за место в законодательном собрании штата, потом станет помощником министра ВМС, затем выиграет выборы губернатора штата Нью-Йорк. А должность главы крупнейшего штата страны обеспечит ему отличный старт для успешной президентской кампании. В следующие 25 лет он действительно шаг за шагом двигался к цели именно этим путем².

Какими бы несбыточными ни казались тогда планы Рузвельта его коллегам-юристам, выбор карьеры политика идеально соответствовал его способностям. Поэтому когда на смену мыслям о способах заработка приходили идеи о том, как завоевать голоса избирателей, его возможности раскрывались в полной мере. Как заметил впоследствии Оливер Уэнделл Холмс*, Рузвельт обладал «весьма заурядным интеллектом, зато незаурядным темпераментом». При такой ярко выраженной особенности дарования мир улыбок, рукопожатий и выступлений перед публикой подходил Рузвельту гораздо больше, чем мир бухгалтерских книг, судебных исков и инвестиций. Он предпочитал вкладывать деньги матери — а она постоянно и щедро обеспечивала его — в предвыборные кампании, а не в бизнес. На протяжении всей жизни ему удавалось сводить концы с концами лишь благодаря щедрости матери³.

¹ Ward, *First-Class Temperament*, 77; Davis, *FDR*, 209–213.

² Nathan Miller, *F.D.R.: An Intimate History* (Garden City, N.Y.: Doubleday & Co., 1983), 61–62.

³ Ward, *First-Class Temperament*, xv.

* Оливер Уэнделл Холмс-мл. (1841–1935) — американский юрист и правовед, многолетний член Верховного суда США. — *Прим. ред.*

В 1910 г. Рузвельт, будучи 28 лет от роду и имея надежную финансовую базу, решил начать карьеру политика и выдвинул свою кандидатуру в сенат штата Нью-Йорк. Он видел, что в отличие от школьного периода, когда его жалкие усилия не производили никакого впечатления на сверстников, теперь он может влиять на аудиторию и завоевывать сторонников. В течение пяти недель, переезжая из города в город, он вел активную кампанию в округе Гайд-Парк. Толпы людей, многочисленные выступления, агитация — все это стало глотком свежего воздуха после замкнутой атмосферы мира бизнеса. И у него всё получилось — он стал первым за многие годы кандидатом от партии демократов, получившим место в сенате штата Нью-Йорк. Спустя два года он был вновь избран на эту должность с ошеломляющим результатом. Обаяние личности Рузвельта было так велико, а имя так знаменито, что если он появлялся где-либо с агитационными целями, то не оставался незамеченным, и число его сторонников возрастало. Поэтому президент Вудро Вильсон взял его на работу в правительство, назначив помощником министра военно-морских сил, где Рузвельт служил в течение Первой мировой войны. Наконец Рузвельт обрел индивидуальность и ступил на путь, ведущий к Белому дому. Из числа его удачливых сокурсников одни запомнились блестящими успехами в экономических дисциплинах, другие стали известными адвокатами или возглавили корпорации. Однако только Рузвельту выпало побеждать в жесткой политической борьбе и консультироваться с президентом страны¹.

Многие исследователи поразительного восхождения Рузвельта к вершинам политической власти отмечают, что его возвышение оказалось таким впечатляющим еще и потому, что на пути в Белый дом ему пришлось перенести полиомиелит — тяжелую болезнь, приведшую к инвалидности. И в самом деле, когда в 39 лет Рузвельт заболел полиомиелитом, переохладившись во время купания, когда он отдыхал в своем летнем доме в Канаде, казалось, что его политическая карьера кончена. Потребовалось немало стойкости, мужества и профессиональных навыков, чтобы сохранить свое имя в списке перспективных кандидатов от демократической партии штата Нью-Йорк².

¹ Ward, *First-Class Temperament*, 112–123. Разумеется, Гайд-Парк был маленьким городом в большом округе.

² Hugh G. Gallagher, *FDR's Splendid Deception* (New York: Dodd, Mead, 1985).

Однако Рузвельту в тот период в чем-то и повезло. Первая удача — появление в его штабе Луиса Хоу, газетного репортера, который еще в бытность Рузвельта сенатором стал его горячим сторонником, оставил работу, вошел в его ближайшее окружение и посвятил свою жизнь продвижению Рузвельта на президентский пост. Обращаясь к боссу, Хоу неизменно называл его «наш будущий и любимый президент». А когда Рузвельт заболел полиомиелитом, Хоу всегда был рядом, по-прежнему называл его «будущим президентом» и лично курировал политические контакты Рузвельта в штате Нью-Йорк. Второй удачей была Маргарита «Мисси» Леханд. Она начала работать в штабе Рузвельта за год до его болезни и, как и Хоу, полностью подпала под обаяние его личности. Она стала его надежным помощником в делах, расторопной экономкой, преданным другом на всю жизнь и (как и Хоу) самым восторженным почитателем. Вместе с Хоу они заботились о Рузвельте, поддерживали его мечты и устремления, помогали приспособиться к жизни в инвалидном кресле. Третьей удачей было то, что мать Рузвельта продолжала снабжать его средствами (хотя при этом и пыталась отвратить от политики). Благодаря этому постоянному источнику Рузвельт мог подолгу жить вне своей семьи, вверяясь заботам Луиса Хоу и Мисси Леханд, а пятеро его детей росли и воспитывались в Гайд-Парке и Нью-Йорке под наблюдением его матери и Элеоноры¹.

И наконец, Рузвельту повезло, что начало его болезни пришлось на десятилетие популярности республиканской партии, когда победы демократов повсюду, в том числе в штате Нью-Йорк, были редки и случайны. Будь Рузвельт совершенно здоров, он, несомненно, попытался бы выиграть выборы и стать основным кандидатом от демократов в штате Нью-Йорк, но мог бы и проиграть, что навсегда похоронило бы его политические амбиции. В создавшейся же ситуации никто из демократов не ожидал, что больной полиомиелитом Рузвельт будет когда-либо претендовать на президентский пост. До следующего старта оставалось семь лет, и надо было успеть привыкнуть к жизни в инвалидной коляске и разработать план новой кампании. Тем временем его команда — Хоу и Леханд — рассылала сотни писем и статей за подписью Рузвельта, постоянно напоминая людям о его существовании. А сам Рузвельт — в инвалидной коляске и с

¹ Alfred B. Rollins, Jr., *Roosevelt and Howe* (New York: Knopf, 1962); Freidel, *Franklin D. Roosevelt*, 22.

сопровождением — представлял кандидатуру Эла Смита на пост президента от демократов на съездах партии в 1924 и 1928 г.¹

У Рузвельта по-прежнему оставались годы на привыкание к болезни и поиск способов противостоять ей. Он купил подержанную яхту, назвал ее «Ларуко» и в 1920-х годах жил преимущественно на ней, плавая, строя планы на будущее и отдыхая в компании старых друзей. Элеонора и дети делились с ним редко, чаще всего он проводил время с Луисом Хоу, Мисси Леханд, друзьями по колледжу и коллегами-политиками. «Думаю, это хорошо, что тебя ничто не связывает», — писала ему Элеонора. Однако дети думали иначе. «Это были годы одиночества, — сетовал его старший сын Джеймс. — Очень долго, пока он болел и восстанавливался, рядом не было отца, живого, настоящего, до которого можно дотронуться, с которым можно поговорить в любую минуту, — только некий абстрактный символ, только ободряющие письма, написанные его рукой, а сам он где-то далеко, на какой-то яхте...»²

Такая семейная ситуация выглядела очень необычной, однако она имела объяснение. Франклин и Элеонора эмоционально отделились друг от друга из-за трехлетнего романа Рузвельта с секретаршей Элеоноры Люси Мерсер. Элеонора прямо спросила мужа о романе после того, как обнаружила связку любовных писем Люси Франклину. «Мой мир рухнул», — с болью говорила Элеонора близким. Франклин же оказался в сложном положении: развод с Элеонорой, как быстро объяснил ему Луис Хоу, сводил к нулю все его усилия в борьбе за президентский пост. А кроме того, что было гораздо хуже, вмешалась его мать Сара, заявившая, что если честное имя семьи будет опозорено разводом, то она лишит сына наследства. Поэтому Рузвельт решил не разводиться с Элеонорой, дав обещание не видеться с Люси. Но Люси была навеки очарована его обаянием — «чудом его присутствия», как она называла это спустя 25 лет. Даже выйдя замуж за другого, она продолжала время от времени встречаться с ним. Люси Мерсер присутствовала на всех президентских инаугурациях Рузвельта, и именно она, а не Элеонора, находилась рядом с ним, когда он умирал³. Поэтому Франклин и Элеонора, по политической необходимости оставаясь в браке, чаще жили врозь, чем вместе.

¹ Davis, *FDR*, 749–758, 819–823.

² Ward, *First-Class Temperament*, 677.

³ *Ibid.*, 776–777; Davis, *FDR*, 485–495; Gallagher, *Splendid Deception*, 142.

Находясь на яхте порой по несколько месяцев, Рузвельт предавался мечтам о президентстве, но в эти мечты вторгалась грубая реальность, и его взгляд падал на обездвиженные ноги, которые он изо всех сил пытался вернуть к жизни. Мисси Леханд, видевшая его в такие периоды, вспоминала: «На „Ларуко“ бывали дни, когда он до полудня не мог выйти из подавленного состояния и как ни в чем не бывало появиться перед гостями». Но чаще оптимизм в нем брал верх и он был душой компании. Он часами беседовал с Луисом Хоу о политике и, чтобы не сидеть без дела, вложил средства в несколько проектов. Однако переход от политики к бизнесу удачи не принес. Ему, как и прежде, не хватило таланта и терпения¹.

1920-е были годами подъема предпринимательской деятельности в Америке. В это десятилетие талантливые предприниматели изменяли облик нации, создавая производство радиоприемников, кондиционеров, застежек-молний, пылесосов и клейкой ленты «скотч». Рузвельт знал таких людей, но сам успешным бизнесменом не был. Он упустил эти инвестиции, а вместо этого увлекся бесперспективными проектами добычи нефти в Вайоминге, покупкой кораблей для путешествий через Атлантику и продажей гашеных почтовых марок. Вместе с Хоу они попытались взять под контроль рынок живых омаров, но пострадали больше всех; Рузвельту удалось выпутаться, но он потерял 26 000 долл. Идеи его зачастую бывали необдуманно и эксцентричны. Например, он почему-то решил, что у аэропланов нет будущего и это всего лишь модное увлечение, и вложил средства в линию дирижаблей для перелетов из Нью-Йорка в Чикаго. «Хотел бы я, чтобы все мои друзья... отказались от аэропланов... — писал он. — Подождите, пока полетят мои дирижабли...» Но они так и не полетели. Тем временем неподалеку, без всякой помощи Рузвельта, изобретал свой вертолет Игорь Сикорский. А Рузвельт покупал и подавал немецкие модели, высаживал тысячи деревьев и получал доход от торговых автоматов, но особого успеха эти вложения не имели. В конце 1920-х он потратил немалые деньги на пансионат для больных полиомиелитом в Уорм-Спрингсе, штат Джорджия, а затем еще больше — на обустройство прилегающей территории².

¹ Ward, *First-Class Temperament*, 676–677.

² Ibid., 658, 756, 768–769, 793; Elliott Roosevelt and James Brough, *An Untold Story: The Roosevelts of Hyde Park* (New York: Dell, 1974), 252–257.

Тех, кто хорошо знал Рузвельта, черед его финансовых провалов не удивляла. Его приятель Франклин Лейн, министр внутренних дел в правительстве Вильсона, прокомментировал ситуацию так: «Рузвельт ничего не понимает в финансах, но *не понимает*, что не понимает». Поэтому он выбирал проект за проектом, руководствуясь не результатами исследований, а минутной прихотью, и всегда надеялся, что каждая новая идея принесет успех. Генри Уоллес, ставший впоследствии вице-президентом в правительстве Рузвельта, разделял взгляды своего босса в политике, но не в ведении бизнеса. Уоллес издавал газету в Айове и знал, сколько требуется терпения и упорства, чтобы заработать прибыль. «Я пришел к выводу, — сказал он, понаблюдав за Рузвельтом, — что не стал бы иметь с ним дел в бизнесе ни при каких обстоятельствах»¹.

Возможно, изучая суммы убытков в своих бухгалтерских книгах, Рузвельт сожалел, что уделял мало внимания изучению бизнеса в годы учебы. Однако Лейн и Уоллес, вероятно, объяснили бы неудачи Рузвельта тем, что его склад ума просто не годился для бизнеса, где надо терпеливо и внимательно изучать рынки продвижения товаров. В его характере преобладали не методичность и осторожность, а интуиция и импульсивность. Альберт де Роде, который видел, как неудачно складывается юридическая карьера Рузвельта, говорил: «Мне жаль его... Он [быстро] делает выводы. Ему не хватает терпения, чтобы все обдумать». Известный газетный репортер Маркиз Чайлдс, изучавший период президентства Рузвельта, соглашается с Роде: «Складывалось впечатление, что его выводы строились не на основе методичного подхода к делу»².

Сын Рузвельта Эллиот тоже задумывался о причинах невезения своего отца в бизнесе. И так же, как Роде и Чайлдс, находил объяснение в доминирующих свойствах природы отца — в опоре на интуицию и нетерпеливости. «Он вел бизнес так, как будто играл в любимый дро-покер с меняющимися комбинациями карт и джокерами. Он твердо верил в удачу и был суеверен». Существовали «счастливые числа, счастливые дни, счастливая одежда», даже счастливая шляпа и туфли³. При этом, отмечал Эллиот, «инвесторов притягивало к нему, как магнитом...» Его обя-

¹ Ward, *First-Class Temperament*, 215–216, 659n.

² *Ibid.*, 552n, 656.

³ Roosevelt and Brough, *An Untold Story*, 219–220.

тельная, харизматичная натура излучала такой оптимизм, что всегда находились люди, готовые поверить в успех любых его начинаний. Генри Уоллес полагал, что характерная интуитивная смелость Рузвельта, столь неуместная в бизнесе, обеспечила ему успех в политике. Его обворожительная улыбка, уверенный голос, его заразительный смех и общительный нрав, возможно, не помогли ему продать омаров из штата Мэн, или летательные аппараты из Германии, или кофе из Южной Америки, зато количество его избирателей исчислялось миллионами. Даже после того, как болезнь приковала занимавшего высокий пост в «Файделити энд Депозит» Рузвельта к инвалидному креслу, президент этой фирмы Ван-Лир Блэк продолжал платить ему зарплату в размере 25 000 долл. [в год], так как благодаря имени Рузвельта число клиентов фирмы росло. А Эл Смит, губернатор штата Нью-Йорк в 1920-е годы, очень хотел, чтобы именно Рузвельт выступил с речью, представляющей его кандидатом на пост президента от демократов на съездах партии 1924 и 1928 г.¹

Прежде чем обратиться к решающей для Рузвельта кампании по выборам губернатора штата Нью-Йорк 1928 г., полезно вспомнить президентскую кампанию 1920 г., в которой он выдвигался кандидатом в вице-президенты от демократической партии. Это была первая общенациональная избирательная кампания Рузвельта, в которой проявились как сильные его стороны, так и слабые. На период правления демократов тогда пришлось годы рецессии после Первой мировой войны, поэтому кампания губернатора штата Огайо Джеймса Кокса и Рузвельта, решивших стать преемниками президента Вильсона, была практически безнадёжной. Кандидаты от республиканской партии Уоррен Гардинг и Калвин Кулидж пользовались огромной поддержкой избирателей, и многие демократы махнули на эти выборы рукой.

Но не Рузвельт. Имея немного собственных средств и значительную сумму средств матери, он объездил двадцать штатов, выступив с сотнями речей, причем на один день порой приходилось до двадцати шести выступлений. «Нью-Йорк пост» писала в те дни: «Из каждого предложения своей речи он [Рузвельт] извлекает всю до капли энергию притяжения аудитории». Он «похож на красавца-игрока университетской футбольной команды, сошедшего с рекламных плакатов». Рузвельт «говорит сильным, чистым голосом, в котором звенит, хочется сказать „поет“, вы-

¹ Ibid., 220–223; Ward, *First-Class Temperament*.

сокая нота — неуловимая, завораживающая, победительная». На всех, кто его слышал, Рузвельт производил незабываемое впечатление. Дочь губернатора Эла Смита Эмили восторгалась Рузвельтом и называла его «таким красивым, таким благородным, представителем такой известной семьи»¹.

Рузвельта окружали толпы благодарных слушателей, пресса превозносила его до небес, и он начал давать волю своему богатому воображению. 18 августа [1920 г.] в городке Дир-Лодж, штат Монтана, Рузвельт выступал перед группой фермеров в поддержку предлагавшейся Вильсоном идеи Лиги Наций. Он утверждал, что влияние Америки на эту организацию будет огромно и что страны Центральной Америки будут следовать за северным соседом: «Неужели кто-то полагает, — говорил он, — что Куба, Гаити, Сан-Доминго, Панама, Никарагуа и другие государства Центральной Америки будут голосовать иначе, чем Соединенные Штаты? Мы в самом прямом смысле старший брат для этих маленьких республик...» А затем он решил прихвастнуть: «Мне довелось поучаствовать в управлении в некоторых из них. Факты таковы, что Конституцию Гаити писал лично я, и, как мне кажется, это вполне приличная конституция». Так как на фермеров в Дир-Лодж речь произвела сильное впечатление, Рузвельт рассказал о своем опыте написания конституций и в следующих выступлениях в Бьютте и Хелене [также в штате Монтана]. На самом деле Рузвельт не имел ни малейшего, даже самого отдаленного отношения к написанию Конституции Гаити и никогда не участвовал в управлении какой-либо республикой (впрочем, однажды он посетил Гаити, будучи помощником министра ВМС)². Когда республиканцы узнали об этом обмане, Гардинг назвал высказывание Рузвельта (с некоторым преувеличением) «самым возмутительным заявлением, какое когда-либо делал член правительства Соединенных Штатов». Республиканцы постоянно подогревали интерес к этой теме. Ответ Рузвельта на все разоблачения оказался удивительным: он отрицал, что когда-либо выступал с таким заявлением, и отрицал это спустя годы всякий раз, когда обсуждался этот вопрос. Он обвинил «Ассошиэйтед Пресс» в том, что его неверно процитировали, после чего более тридцати жителей Бьютта письменно засвидетельствовали, что слышали, как Рузвельт похвалялся тем, что написал конституцию

¹ Ward, *First-Class Temperament*, 497, 529, 534.

² Ibid., 535.

Гаити. Рузвельт же просто продолжал все отрицать и переходил к обсуждению других тем¹.

Президентская кампания 1920 г. стала первым шагом Рузвельта на поле национальной политики. В следующем году он заболел полиомиелитом и большую часть 1920-х годов находился в тени. К 1928 г. он был готов, хотя и не торопился, предпринять следующий шаг. Эл Смит, завершавший свой четвертый губернаторский срок в штате Нью-Йорк, был избран кандидатом на пост президента от Демократической партии и хотел, чтобы его преемником на посту губернатора стал Рузвельт. Их отношения были сложными. Смит, ирландский католик во втором поколении, рос в бедности в нижнем Манхэттене и выдвинулся благодаря поддержке независимой организации демократической партии Таммани-холл в Нью-Йорке. В 1912 г., когда его избрали спикером нижней палаты, Рузвельт стал новым членом законодательного собрания².

Смит любил рассказывать, как он впервые пришел в дом Рузвельта. Смит позвонил у двери большого особняка, который снимала для Рузвельта мать, дверь открыл дворецкий и проводил его к Рузвельту. Так как арендная плата за дом более чем втрое, превышала жалованье члена законодательного собрания, то Смит сразу понял, что перед ним иной, чем он, тип демократа. Они никогда не были близкими друзьями, но поддерживали хорошие отношения в политике, так как были нужны друг другу. За них голосовали разные группы избирателей, но благодаря усилиям обеих позиции демократов были крепки и надежны³.

Рузвельт мог привлечь голоса избирателей-протестантов из северной части штата и этнических католиков в Нью-Йорке, на что Смит особенно рассчитывал. Поэтому, став кандидатом от демократов на президентских выборах, Смит хотел, чтобы имя Рузвельта было в списках претендентов на губернаторскую должность. Практичный Рузвельт был обеспокоен высокой популярностью республиканцев, но согласился побороться за пост губернатора и, умело распорядившись своими талантами, вырвал победу у главного прокурора штата республиканца Альберта Оттингера. А так как Смит проиграл президентскую гонку Герберту Гуверу, то Рузвельт, будучи губернатором крупней-

¹ Ibid., 535–536.

² Oscar Handlin, *Al Smith and His America* (Boston: Little, Brown, 1958).

³ Ward, *First-Class Temperament*, 126.

шего штата, получил прекрасную позицию для начала собственной президентской кампании. Его политический план вступал в следующую фазу¹.

Во время губернаторства Рузвельта Америку поразила Великая депрессия. Рухнул фондовый рынок, быстро обесценились инвестиции. Закрывались фабрики, безработица превысила 20% — это была самая страшная экономическая катастрофа в истории США. Президент Гувер пытался реализовывать разные программы, но ни одна не сработала. Он не справлялся с ситуацией. Рузвельт, который стремился сменить Гувера на его посту, должен был предложить свой экономический план. И вот ведь ирония судьбы: в годы учебы Рузвельт отказался от занятий экономикой, чтобы стать политиком, а теперь, когда появился реальный шанс стать президентом, разразился кризис и потребовались основательные знания экономики. Он создал в Нью-Йорке «мозговой трест». Ему была необходима помощь специалистов. Он хотел понять, что вызвало эту все углубляющуюся депрессию и какую программу действий он должен предложить.

¹ Handlin, *Al Smith and His America*, 127–143.

ГЛАВА 3

ЧТО ВЫЗВАЛО ВЕЛИКУЮ ДЕПРЕССИЮ?

Что вызвало Великую депрессию? Этим вопросом задавались в 1930-е годы не только рядовые граждане, но и эксперты. Споры об этом не утихают по сей день, но экономисты и историки назвали три правдоподобные причины, которые помогают объяснить, почему американцам пришлось пережить худший экономический кризис в истории.

Первая причина — негативные последствия Первой мировой войны. Эта война стала финансовой и социальной катастрофой. Версальский договор, увенчавший войну, мало что решил и лишь усилил агонию опустошенной Европы. Государственный долг Америки всего за три года раздулся с 1,3 до 24 млрд долл. И львиная доля этого долга — примерно половина — приходилась на займы союзникам. В течение этой войны США ссудили европейским странам более 10 млрд долл.; те обязались вернуть долг. Многие страны действительно начали небольшие выплаты в 1920-е годы, и это «намерение платить» помогло стабилизировать финансы Америки. Возможно, у Америки большой долг, рассуждали инвесторы, но министр финансов Эндрю Меллон занимается его сокращением. Однако с 1929 по 1932 г. почти вся Европа (за исключением Финляндии) уклонялась от выплат и фактически вскоре отказалась от своих долговых обязательств перед США. Одним из аргументов отказа было то, что Америка установила высокие пошлины; если мы не давали европейцам вести с нами торговлю, как они могли собрать средства, чтобы вернуть нам?¹ Отсюда вытекает вторая причина — таможенный тариф.

Закон Смута—Хоули о таможенном тарифе, который обсуждался и принимался в течение 1929 и 1930 г., установил самые высокие пошлины за всю историю США. Согласно новому закону, налогом облагались 3218 импортируемых товаров, причем на

¹ H. G. Moulton and Leo Paslovsky, *War Debts and World Prosperity* (New York: Century co., 1932). Краткий обзор проблемы долга союзников см. в Thomas A. Bailey, *A Diplomatic History of the American People* (New York: Appleton-Century Crofts, 1964), 656—671.

887 из них налог был резко повышен. Понятно, что иностранные государства были возмущены. Например, в Швейцарии ведущей отраслью было изготовление наручных и настенных часов, а главным покупателем этой продукции являлись США. Но резкий рост пошлин сделал швейцарские часы менее конкурентоспособными, чем худшие по качеству американские марки. То, что США, возможно, выиграли от блокирования швейцарских часов и продажи американских, они с избытком потеряли, когда Швейцария ввела ответные репрессивные пошлины и отказалась импортировать из США автомобили, пишущие машинки и радиоприемники. Наши высокие пошлины на другие европейские товары (например, на британскую шерсть или на итальянское оливковое масло) вызвали на территории европейского континента антиамериканскую риторику, ответные репрессивные пошлины и аннулирование военных долгов. В результате наш экспорт упал с 7 млрд долл. в 1929 г. до 2,5 млрд долл. в 1932 г.¹

На другом уровне тариф Смута—Хоули был прямой атакой на нашу внутреннюю экономику. Когда мы платим больше за американские часы и шерстяные одеяла, чем за их качественные иностранные аналоги, то мы можем купить меньше американских радиоприемников, автомобилей или телефонов. Но проблема еще глубже. Нам был необходим импорт, чтобы выпускать свою собственную промышленную продукцию. К примеру, тариф на вольфрам больно ударил по стали; тариф на льняное масло затронул лакокрасочную отрасль. «Дженерал моторс» и «Форд» были лидерами мировой автомобильной промышленности, но тариф Смута—Хоули повысил пошлину на более чем 800 товаров, использовавшихся при изготовлении автомобилей. Таким образом, американские автопроизводители получили двойной удар. Во-первых, они продавали меньше машин, потому что европейцы ввели против американских товаров репрессивные пошлины. Во-вторых, им пришлось платить более высокую цену за сотни комплектующих, необходимых для производства. Неудивительно, что продажи автомобилей в США упали с более 5,3 млн в 1929 г. до 1,8 млн в 1932 г.²

¹ Alan Reynolds, "What Do We Know About the Great Crash?" *National Review*, November 9, 1979, 1416–1421; Joseph M. Jones, Jr., *Tariff Retaliation: Repercussions of the Hawley-Smoot Bill* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1934).

² Reynolds, "What Do We Know About the Great Crash?"; Jones, *Tariff Retaliation*; Allan Nevins and Frank Ernest Hill, *Ford: Decline and Rebirth, 1933–1962* (New York: Charles Scribner's Sons, 1963), 4. Цифры продаж автомобилей включают и грузовики.

Тариф Смута—Хоули, как утверждают некоторые исследователи, совершил еще одно преступление, способствовав обвалу фондового рынка в октябре 1929 г. И хотя это лишь гипотеза, она достаточно правдоподобна, чтобы ее упомянуть. Когда этот рекордно высокий тариф обсуждался в палате представителей и в сенате, инвесторы были обеспокоены. Они чувствовали, что столь высокий тариф ударит по их акциям. В те периоды, когда казалось, что высокий тариф не пройдет, рынок акций шел вверх; когда же высокий тариф набирал очки в конгрессе, рынок, как правило, падал. В конце октября, когда рынок акций находился в самом ужасном состоянии, сенат проголосовал за принятие закона о тарифе, включающего все товары, а не только фермерскую продукцию. Шестнадцать ключевых членов коалиции, поддерживавшей низкие пошлины, перешли на другую сторону, и стало очевидно, что законопроект, скорее всего, пройдет. Президент Гувер получал срочные послания с призывом наложить вето на закон о тарифе; петицию с призывом воспользоваться правом вето более подписали 1000 экономистов. Похоже, Гувер скептически относился к высоким пошлинам, но решил, что подписание этого закона поможет выполнить обязательства, взятые на себя республиканцами во время предвыборной кампании. Он подписал его в июне 1930 г., и за десять месяцев, с октября по июль, фондовый рынок упал на треть¹.

Третьей причиной Великой депрессии стали ошибки Федерального резерва. Конституция дает правительству право печатать деньги и регулировать их ценность. В 1913 г. был создан Федеральный резерв, чтобы контролировать денежную систему, регулируя процентные ставки и ссужая деньги банкам. Идея состояла в том, что, устанавливая процентные ставки и ссужая наличность нуждающимся и достойным помощи банкам, Федеральный резерв должен был предотвращать банкротства банков. Федеральный резерв предоставлял бы эту наличность, покупая облигации на открытом рынке или путем учета активов банков — членов ФРС. Так было в теории².

¹ Jude Wanniski, *The Way the World Works* (New York: Simon & Schuster, 1978); Douglas A. Irwin, "The Smoot-Hawley Tariff: A Quantitative Assessment," *Review of Economics and Statistics* (May 1988), 326–334; Larry Schweikart, "A Tale of Two Tariffs," *The Freeman* 52 (June 2002), 46–48.

² Milton Friedman and Anna J. Schwartz, *Monetary History of the United States* (Princeton: Princeton University Press, 1963) [*Фридман М., Шварц А.* Монетар-

На практике же в течение 1928 и 1929 г. Федеральный резерв четыре раза повышал процентные ставки, с 3,5 до 6%. Предприятиям стало труднее заимствовать деньги для инвестиций, что сдерживало экономический рост и в конце концов привело к краху рынка акций в октябре 1929 г., вызвало панику вкладчиков, стремившихся скорее забрать свои деньги из банков, и закрытию многих банков. В начале 1930-х годов Федеральный резерв вел себя импульсивно, так что набеги на банки продолжались. Для клиентов, которые хотят снять деньги со своих сберегательных счетов, банкиры оставляют в резерве от 3 до 10% суммы вкладов, а остальное ссужают инвесторам, покупателям недвижимости и другим банкирам. Если слишком много клиентов решат снять свои средства, то банк останется без наличности и прогорит. Если, с другой стороны, заемщики не вернут кредиты, банк также прогорит. Банкротства заразны: когда лопается один банк, обеспокоенные вкладчики других банков иногда бегут забирать свои деньги, пока и эти банки не разорились.

11 декабря 1930 г. лопнул знаменитый «Банк Соединенных Штатов». Это вызвало серию набегов на другие банки, и сотни банков по всей стране либо закрылись, либо балансировали на грани закрытия. Федеральный резерв мог бы замедлить или, возможно, даже остановить этот кризис, предоставляя ссуды банкам, испытывавшим дефицит наличности. Вместо этого Федеральный резерв позволил набегам вкладчиков продолжиться, что привело к разорению сотен банков. К 1932 г. количество денег в США уменьшилось почти на треть за три года. Деньги, как и невыплаченные займы, просто испарились. Когда банки лопались, их активы исчезали. Многие советники Федеральной резервной системы требовали вмешательства Федерального резерва, но оказались в меньшинстве — Федеральный резерв, созданный для предотвращения банковского кризиса, поспособствовал его возникновению.

Великая депрессия — сложное явление, и эти три причины объясняют не все, но многое. Они помогают показать, почему случился банковский кризис, почему произошло падение рынка акций, почему схопнулся экспорт, что обозлило торговых партнеров, откуда возникла экономическая неопределенность насчет

ная история Соединенных Штатов, 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007]. Более свежее исследование: D. Romer, “What Ended the Great Depression?” *Journal of Economic History* 52 (December 1992), 757–784.

государственного долга и почему рухнули такие ключевые сферы промышленности, как производство автомобилей. Более того, все проблемы, охватываемые этими тремя причинами, были созданы государством, а не свободным рынком. Военные долги, высокие пошлины и никудышное регулирование денежного обращения – все это были грубые ошибки государства.

Одна из теорий причины Великой депрессии, сильно пропагандируемая многими интеллектуалами в течение 1930-х годов, но отвергнутая сегодня, действительно во всем винила свободное предпринимательство. Тезис о недостаточном потреблении, кратко разобранный выше, подразумевает, что 1920-е годы были десятилетием промышленного роста. Однако, согласно этой теории, благосостояние делилось неравномерно. Богатые богатели, а бедные беднели. Классовые противоречия усугублялись, а облегчение налогового бремени, инициированное Меллоном и Кулиджем, добавило денег богатым. Поскольку американский средний класс в целом не имел доступа к благосостоянию эпохи, большинство людей не могли позволить себе купить то, что производили. Вскоре у нас возник кризис перепроизводства, когда было слишком много товаров и слишком мало покупателей. Неизбежным результатом этого стала Великая депрессия, а предложения по выходу из нее сводились к тщательному государственному планированию и регулированию¹.

На поверхностный взгляд, некоторые факты свидетельствуют в пользу идеи недопотребления. Многие успешные предприниматели стали миллионерами, и снижение налогов Меллоном тому поспособствовало. Фермеры на протяжении этого десятилетия действительно производили слишком много продукции, и, когда страну накрыла Великая депрессия, у США было много непроданных автомобилей, холодильников и телефонов. Однако несколько разрозненных фактов еще не составляют законченную теорию, подобно тому как из белого соуса и щепотки сахара не выйдет суфле. Не хватает яиц, а у сторонников теории недопотребления отсутствуют статистические данные.

Тезис о недопотреблении можно было бы считать доказанным лишь в том случае, если даны ответы «да» на следующие три

¹ Lawrence W. Reed, "Great Myths of the Great Depression," Mackinac Center for Public Policy, 2005; Gary Dean Best, *Peddling Panaceas: Popular Economists in the New Deal Era* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 2005); Rexford Tugwell, *The Battle for Democracy* (New York: Columbia University Press, 1935), 78–96, 265, 285; Stuart Chase, *A New Deal* (New York: Macmillan, 1932).

вопроса. Первый: действительно ли в 1920-е годы богатые получали значительно бóльшую часть национального дохода? Второй: получали ли наемные работники меньшую долю дохода компании? Третий: потребляли ли потребители меньше валового внутреннего продукта (ВВП) в конце 1920-х годов, чем в 1920 г.? Изучив исторические данные, мы на все три вопроса твердо ответим «нет».

Во-первых, в 1921 г. 5% населения, составлявшие самых богатых, зарабатывали 25,47% национального дохода; в 1929 г. эти 5% зарабатывали 26,09% национального дохода. Да, это рост, но крайне незначительный. Во-вторых, с 1900 по 1920 г. прибыль корпораций в США составляла в среднем 8,2% и оставалась на том же уровне с 1920 по 1929 г. За это десятилетие резкого роста прибылей корпораций не зафиксировано. Вместе с тем в течение 1920-х годов зарплаты наемных работников выросли с 55 до 60% от дохода компаний. Иными словами, в 1920-е годы служащие получали бóльшую долю доходов компаний, чем раньше. В-третьих, доля ВВП, приходящаяся на потребительские расходы, не упала, а выросла с 68% в 1920 г. до 75% в 1927, 1928 и 1929 г.¹

Более точная картина 1920-х годов рисует американцев, покупающих все больше радиоприемников, телефонов, автомобилей, пылесосов и холодильников. 1920-е годы были скорее десятилетием чрезмерного, нежели недостаточного потребления. Спрос опережал предложение. По мнению экономиста Массачусетского технологического института Питера Темина, «в современной макроэкономике концепция недостаточного потребления отвергнута». Он объясняет это просто: «На протяжении 1920-х годов соотношение потребления и национального дохода не падало. Следовательно, точка зрения о недопотреблении в 1920-е годы несостоятельна»².

Анализ недопотребления важен, поскольку Рузвельт, который жадно искал экономические идеи, уцепился за недопотребление и включил его в свою президентскую кампанию. Он представлял ее как альтернативу программам Гувера. Неясно, сам ли

¹ Thomas B. Silver, *Coolidge and the Historians* (Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 1982), 124-136.

² Peter Temin, *Did Monetary Forces Cause the Great Depression?* (New York: Norton, 1976), 4, 32; Peter Temin, *Lessons from the Great Depression* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989). См. также: Gene Smiley, *Rethinking the Great Depression* (Chicago: Ivan Dee, 2002).

Рузвельт обнаружил идеи недопотребления или его навел на них его «мозговой трест». Будучи губернатором Нью-Йорка, Рузвельт регулярно приглашал группу профессоров из Колумбийского университета, ставших его «мозговым трестом», а они представили Рузвельту целый ряд экономических идей, модных в академических кругах. Некоторые из этих советников, особенно Рексфорд Тагвелл, отстаивали теорию недопотребления, и вскоре Рузвельт уже прямо говорил о «недопотреблении» в своих речах, которые ему помогал писать «мозговой трест»¹.

Особенно привлекательно теория недопотребления звучала для интеллектуалов. Если богатые разрушали американскую промышленность, злоупотребляли снижением налогов и использовали свое экономическое влияние, чтобы ввергнуть в нищету фермеров и трудящихся, это означало, что капитализм распадается на глазах, откуда следовало, что должно вмешаться государство и назначить «экспертов» в комитетах планирования, чтобы перезапустить американскую экономику, поощрять расходы потребителей и перераспределить богатство. Таков был рецепт мощного государственного вмешательства, и многие университетские профессора, будучи образованными экспертами, нашли себе место в этих комитетах планирования, которые занимались и управляли американской экономикой. В ретроспективе мы видим, что историческая статистика зачастую опровергает точку зрения о недопотреблении. Поэтому, возможно, неудивительно, что самые ярые сторонники этой теории не имели экономического образования. Почти все бизнесмены и многие экономисты, такие как Бенджамин Андерсон, Генри Хэзлит, Айзек Липшинкотт и Ирвинг Фишер, резко ей противостояли. Если бы Рузвельт для баланса включил в свой «мозговой трест» хотя бы одного бизнесмена, возможно, он более тщательно обдумывал бы свои идеи².

¹ Об идеях недопотребления у Тагвелла см.: Rexford Tugwell Diary, "Introduction", 6–10, in Rexford Tugwell Papers, RPL. О критике идей недопотребления см.: Stanley Lebergott, *Men Without Work: The Economics of Unemployment* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1964), Lebergott, *The Americans: An Economic Record* (New York: Norton, 1984). [См. также: Хаберлер Г. Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2005. — Ред.] О происхождении «мозгового треста» см. письмо Сэмюэла Розенмана Рексфорду Тагвеллу от 16 января 1969 г. в Samuel Rosenman Papers, RPL.

² Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare: A Financial and Economic History of the United States, 1914–1946* (Indianapolis: Liberty Press, 1979 [1949]); Henry Hazlitt, *Economics in One Lesson* (San Francisco: Laissez Faire,

Ведя предвыборную борьбу за пост президента, Рузвельт рекомендовал себя как самый перспективный кандидат от демократов, легко переизбравшись на пост губернатора в 1930 г. Затем, в начале 1932 г., он принял участие в нескольких демократических праймериз и обошел многих политических лидеров своего лагеря по числу побед, по личному обаянию и по тому чувству доверия, которое он вселял в людей, веривших, что именно он сможет привести демократов к победе в ноябре.

Когда Рузвельт в рамках предвыборной кампании ездил из одного штата в другой, он давал крайне загадочные комментарии относительно Великой депрессии. С одной стороны, Рузвельт обещал подход к экономическому росту с позиций свободного рынка: сократить федеральные государственные расходы, снизить налоги и понизить ставки таможенных пошлин в тарифе Смута—Хоули. Он часто повторял эти три пункта и, конечно, заработал на этом очки. Однако в других речах он высказывал свои идеи о недопотреблении. 22 мая в университете Оглторп в Атланте Рузвельт говорил о низких зарплатах, недостаточной покупательной способности потребителей и необходимости государственного вмешательства, чтобы «вдохнуть жизнь в наш больной экономический порядок» и добиться «более справедливого распределения национального дохода»¹.

2 июля Рузвельт приехал в Чикаго — его кандидатура была выдвинута на пост президента. Там он обрисовал свои политические взгляды для делегатов. «Наша партия должна стать партией либеральной мысли, спланированного действия», — убеждал Рузвельт. Затем он попросил делегатов «взглянуть на недавнюю историю и на простую экономику» Великой депрессии: «В годы, предшествующие 1929 г., наша страна, как мы знаем, завершила длительный цикл строительства и инфляции; за десять лет эко-

1996 [1946] [*Хэзлитт Г.* Экономика за один урок. М.: И.Д. Вильямс, 2007]; Isaac Lippincott, *The Development of Modern World Trade* (New York: D. Appleton-Century, 1936); Irving Fischer to Franklin Roosevelt, June 16, 1936, April 30, 1933, и December 19, 1937, в: Irving Fisher Papers, RPL. Из этих четырех экономистов Хэзлитт не имел официального экономического образования. См. также: David Laidler, *Fabricating the Keynesian Revolution: Studies of the Inter-war Literature on Money, the Cycle, and Unemployment* (Cambridge, England: Cambridge University Press, 1999). Лейдлер указывает, что идеи Кейнса развивались в течение 1920-х годов и что в разработке того, что стало кейнсианской революцией, участвовали и другие экономисты.

¹ Samuel I. Rosenman, ed., *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt* (New York: Random House, 1938), I, 626, 645–646.

номическая экспансия строилась на теории коррекции искажений, внесенных Войной, но на самом деле мы вышли далеко за границы наших естественных и нормальных темпов роста. Сейчас необходимо вспомнить, о чем свидетельствуют беспристрастные цифры, что в это время цены почти или совсем не падали, так что потребителю приходилось платить, хотя те же цифры показывают, что издержки производства очень сильно упали, а прибыль компаний в этот период была огромной; в то же время лишь малая часть этой прибыли пошла на снижение цен. Потребитель был забыт. Очень малая часть прибыли пошла на повышение зарплат — рабочий был забыт...»¹

В этих четырех предложениях, отражающих идеи недопотребления, громоздится ошибка на ошибке. Инфляция в 1920-е годы была низкой, а не высокой, а «беспристрастные цифры» показывают, что работники получали всё большую долю доходов корпораций, при том что прибыль оставалась неизменной, что цены на автомобили, радиоприемники и другие потребительские и промышленные товары постепенно падали, а не росли. Поэтому к 1929 г. большинству фабричных рабочих было легче покупать то, что они производили, чем когда-либо раньше. В его анализе почти нет точной экономической информации.

Но из этого анализа Рузвельт заключил, что правительство должно вмешаться и ликвидировать ущерб от плохих инвестиционных решений бизнесменов. В чем конкретно заключалась его программа, оставалось неясно, но в речи о согласии баллотироваться в президенты он действительно описал план общественных работ, благодаря которым «миллионы людей будут трудоустроены», сказал о необходимости «помочь сельскому хозяйству» и пообещал, что, «когда мы получим шанс, федеральное правительство будет решительно руководить процессом облегчения страданий». Еще одним ключевым тезисом Рузвельта было перераспределение богатства, которым бизнесмены, с их «поклонением Маммоне», так плохо распоряжались².

Некоторые из тех, кто слышал эту речь, могли удивиться, — а где Рузвельт возьмет деньги на свои масштабные общественные работы, на «помощь сельскому хозяйству», и на «решительное руководство процессом облегчения страданий», и на реализацию других обещаний. Это может особенно озадачивать, поскольку

¹ Rosenman, *Public Papers*, I, 650.

² *Ibid.*, 651–659.

Рузвельт, обещая более активное правительство, также обещал сократить правительство на 25%, ликвидировать дефицит бюджета и поддерживать сбалансированный бюджет во все годы своего президентства¹.

Но как Рузвельт мог одновременно расширять федеральные программы, сокращать правительство и сбалансировать бюджет? И здесь мы вновь возвращаемся к проблеме отсутствия экономического образования у Рузвельта. Это невозможно. Артур Баллантайн, который работал заместителем министра финансов при Герберте Гувере, хорошо знал Рузвельта, будучи его однокашником в Гарварде. Баллантайн, должно быть, содрогался, когда слышал поразительные экономические заявления Рузвельта. Позднее он скажет: «Когда я наблюдал за выдающейся карьерой [Рузвельта], то порой жалел, что во время учебы в колледже Франклин Рузвельт не уделял больше времени некоторым нашим замечательным занятиям по экономике и теории управления государством».²

Шеф Баллантайна, президент Гувер, без устали выявлял противоречия в экономической программе Рузвельта. Она не ликвидирует дефицит бюджета, горячился Гувер, а, наоборот, будет «означать колоссальное расширение федерального правительства» и «небывалый в нашей истории рост бюрократии». Проблема в том, что Гувер был дискредитирован в глазах избирателей. В собственной речи по случаю выдвижения своей кандидатуры на пост президента четырьмя годами ранее он сказал: «Сегодняшняя Америка ближе к окончательной победе над бедностью, чем любая другая страна... С Божьей помощью мы увидим день, когда бедность будет изгнана из нашей страны». Гувер чувствовал момент примерно так же, как Рузвельт — экономик. Но последнего толком никто не знал, а первый с наступлением Великой депрессии подвергался публичной критике³.

Более того, меры борьбы Гувера с Великой депрессией были совершенно скомпрометированы. Во-первых, он поддержал и подписал тариф Смута—Хоули, который, как мы видели, стал

¹ Rosenman, *Public Papers*, I, 648; Kirk H. Porter and Donald B. Johnson, *National Party Platforms, 1840–1968* (Urbana: University of Illinois Press, 1970), 331.

² Geoffrey C. Ward, *Before the Trumpet: Young Franklin Roosevelt, 1882–1905* (New York: Harper & Row, 1985), 238n.

³ Herbert Hoover, *The Memoirs of Herbert Hoover: The Great Depression, 1929–1941* (New York: Macmillan, 1952), 341–343.

одной из причин Великой депрессии. Рузвельт же, напротив, последовательно в ходе своей кампании критиковал этот тариф и по этому вопросу продемонстрировал лучшее понимание экономических проблем, чем Гувер. Во-вторых, Гувер одобрил создание Федерального фермерского управления, которое поставило государство в двусмысленное положение по отношению к фермерскому бизнесу. Управление потратило 500 млн долл. на поддержание цен на пшеницу и хлопок, а затем реализовало излишки на перенасыщенном мировом рынке. В-третьих, Гувер поддержал Корпорацию финансирования реконструкции (RFC), которая потратила более 1,5 млрд долл. на займы (или дары) терпящим бедствие банкам и отраслям. Но какие из многочисленных проблемных банков и отраслей получали государственную поддержку? Эти решения неизбежно носили политический характер, и первыми в очереди за деньгами налогоплательщиков чаще всего оказывались те, кто был ближе к администрации Гувера¹.

Последний пункт необходимо подчеркнуть: когда Гувер воспользовался 1,5 млрд долл. денег налогоплательщиков, чтобы выбрать тех, кто заслужил и не заслужил специальные государственные ссуды, процесс быстро и неизбежно приобрел политический характер. Те, у кого были нужные политические связи, оказались первыми в списке кандидатов. К примеру, казначей Республиканского национального комитета получил ссуду 14 млн долл. для своего банка в Кливленде. Один из худших примеров – Чарльз Дауэс, глава RFC (и бывший вице-президент от республиканцев), уволился из RFC именно в тот момент, когда получил займ 90 млн долл. для своего чикагского банка. Таким образом, администрация Гувера настолько погрязла в сомнительных экономических решениях, что не могла выдвинуть против Рузвельта обвинения, которое заслуживало бы доверия².

Затем, в ходе предвыборной кампании, мероприятия, реализованные действующим президентом Гувером, стали объектом

¹ Murray R. Benedict, *Farm Policies of the United States, 1790–1950* (New York: Octagon, 1966 [1953]), 239–267.

² James S. Olson, *Herbert Hoover and the Reconstruction Finance Corporation, 1931–1933* (Ames: Iowa State University Press, 1977); Harris Gaylor Warren, *Herbert Hoover and the Great Depression* (New York: Norton, 1967 [1959]); Murray Rothbard, *America's Great Depression* (New York: Richardson & Snyder, 1972 [1963]) [*Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012*]). Олсон и Уоррен, как правило, поддерживают RFC.

пристального анализа, и Рузвельт мог относительно свободно выдвигать в одних речах свои традиционные идеи сокращения государственных расходов, а в других — идеи недопотребления для обоснования увеличения государственных расходов. Особенно в речах о недопотреблении Рузвельт, затрагивая вопрос о Великой депрессии, представлял бизнесменов злодеями, а правительство — героем. Он сдабривал свои речи нападками на бизнесменов: «На самом деле 5000 человек контролируют американскую промышленность, — заявил он своей аудиторией в Бостоне, — и некоторые из этих 5000 человек, контролирующих промышленность, сегодня посягают на священные политические права тех, над кем имеют экономическую власть»¹.

Рузвельт правильно предвидел, что Гувер будет критиковать его идеи недопотребления за то, что они ведут к расширению правительства и большим государственным расходам. Поэтому Рузвельт умалчивал о том, как он будет внедрять свои планы по «приведению производства в соответствие с потреблением». Кроме того, чтобы избежать критики, он ловко пообещал ликвидировать дефицит бюджета; затем он заставил Гувера защищаться, назвав его администрацию рекордсменом по уровню государственных расходов в мирное время за всю историю человечества — его четыре года в должности президента были «самыми безрассудными и экстравагантными, в чем я смог убедиться, изучив статистические данные всех правительств мирного времени, когда-либо существовавших на планете»².

Рузвельт так и не объяснил, как он собирается сократить «затраты на текущие операции федерального правительства на 25%», что он пообещал в Питтсбурге, и [одновременно] реорганизовать промышленность, скорректировать зарплаты, перераспределить богатство, что он поклялся сделать в Сан-Франциско и Чикаго. Это было невыполнимое обещание. Разумеется, он мог просто ловко разыгрывать политическую карту и хорошо знал, что не выполнит свои обещания. Луис Хоу, главный советник Рузвельта на протяжении 20 лет, помогал своему шефу составлять многие речи. В собственном выступлении перед группой

¹ Rosenman, *Public Papers*, I, 751–752, 846. Полезное описание экономической мысли Рузвельта в целом и его идей недостаточного потребления в частности находим в: Daniel Fusfeld, *The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal* (New York: Columbia University Press, 1954), особенно на с. 245.

² Rosenman, *Public Papers*, I, 751–752, 799, 809.

студентов Хоу признался: «Нельзя выбрать профессию политика и остаться честным», и повторил: «Если вы собираетесь зарабатывать на жизнь политикой, честно сделать это невозможно»¹.

Предвыборная кампания Рузвельта, полная противоречивых обещаний, выбила Гувера из колеи. Он пришел к выводу, что настоящий Рузвельт будет заниматься не ликвидацией бюджетного дефицита, а реорганизацией правительства. 31 октября в Мэдисон-сквер-гарден Гувер произнес свою самую ясную и сильную речь за всю предвыборную кампанию. «Эта кампания, — сказал он, — нечто большее, чем состязание двух человек. Это нечто большее, чем состязание двух партий. Это состязание двух философий государства». Гувер пояснил свои слова: «Чтобы лучше понять философию предложенных глубинных изменений в американской системе и новый курс, я хотел бы привлечь ваше внимание к речи, произнесенной демократическим кандидатом в Сан-Франциско 23 сентября. <...> „Наша задача сегодня состоит не в открытии естественных ресурсов или обязательном производстве новых товаров — это трезвая, менее драматичная работа по управлению уже существующими ресурсами и заводами... созданию рынков для избыточного производства; решению проблемы недопотребления; распределению богатства и продукции более равномерно и созданию экономической структуры, пригодной для служения народу“». Гувер продолжал: «Если эти меры, эти обещания... что-нибудь означают, они означают колоссальное расширение федерального правительства; они означают рост бюрократии, небывалый в нашей истории». Гувер отметил, что рост бюрократии в правительстве будет стимулировать конгрессменов к тому, чтобы удержать выгоды для своих избирателей и переложить расходы на страну в целом: «Наши законодательные органы не могут делегировать свою власть диктатору, но без такого делегирования каждый член этих органов будет вынужден, представляя интересы своих избирателей, постоянно искать привилегий и требовать услуг от этих контор». Он закончил пророческой фразой: «Эти выборы — не просто переход от одной партии к другой. Они означают выбор направления, в котором будет двигаться наша страна в течение следующих ста лет»².

¹ Geoffrey C. Ward, *A First-Class Temperament: The Emergence of Franklin Roosevelt* (New York: Harper & Row, 1989), 194.

² Hoover, *Memoirs*, 336–343.

Проблема Гувера заключалась не в содержании его речи, а в содержании его действий на посту президента. Он не смог избежать Великой депрессии. Он подписал закон Смута—Хоули, тогда как Рузвельт выступал против. Гувер спустил 500 млн долл. на Федеральное фермерское управление, что просто поощряло избыточное производство сельхозпродукции, которая затем сбывалась по демпинговым ценам за границу; в три раза больше этой суммы он потратил на кредиты разоряющимся предприятиям, но эти кредиты были политизированными и потому не внушали уважения. Возможно, обещания Рузвельта были очевидно противоречивыми, но Гувер потерпел очевидный политический провал. Поэтому его критика в адрес Рузвельта не имела никакого веса. В день выборов Рузвельт одержал убедительную победу. И начались ключевые годы его правления, которые, как сказал Гувер, определяют «направление, в котором будет двигаться наша страна в течение следующих ста лет».

В день инаугурации Рузвельт проявил свой шарм, чутье на драматические эффекты и намерение — предугаданное Гувером — использовать для борьбы с Великой депрессией власть государства, а не сокращение государственных расходов или ставок налогообложения. «Первым делом, — провозгласил новый президент, — разрешите мне высказать твердое убеждение, что единственное, чего нам следует бояться, это страх...» В качестве противоядия страху Рузвельт сказал: «Я буду просить у конгресса... широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией...» Во время первого срока президентства Рузвельта его широкие властные полномочия можно определить девятью буквами: NRA, AAA и WPA.